ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

DK
21
7

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты
право свое!"

№ 47.

Борисъ Камковъ.

Историко-философскія воззрѣнія П. Л. Лаврова.

Цѣна 45 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Центр. Ком. Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. [illegible]ская, 34.
1917.

6м

Dr
212
.16
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
762
66

Историко-философскія воззрѣнія П. А. Лаврова.

I.

Естествознаніе и исторія.

За понятіемъ „философія исторіи", къ сожалѣнію, до сихъ поръ не установилось общепризнаннаго значенія. Употребляютъ его въ разныхъ, часто исключающихъ другъ друга, смыслахъ.

Мы въ дальнѣйшемъ, говоря о философіи исторіи, всегда будемъ имѣть въ виду *методологію исторіи*, или еще точнѣе: *логическую структуру историческаго знанія*. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, о роли тѣхъ или иныхъ факторовъ въ историческомъ процессѣ (историческій матеріализмъ, историческій идеализмъ и т. д.), объ историческомъ детерминизмѣ и мн. др. совершенно останется въ сторонѣ. Анализъ „логики" *историческаго* познанія не рѣшаетъ и не предрѣшаетъ этихъ по существу своему *соціологическихъ* проблемъ.

Такой взглядъ на предметъ философіи исторіи есть продуктъ сравнительно недавняго времени. По своему происхожденію онъ связанъ съ нѣкоторымъ переворотомъ, происшедшимъ въ новѣйшее время во взглядахъ на задачи логики, какъ таковой. Переворотъ этотъ, главнымъ образомъ, сказался въ тенденціи всѣхъ выдающихся современныхъ работъ по вопросамъ логики порвать съ традиціоннымъ представленіемъ о ней, какъ о наукѣ, имѣющей дѣло исключительно съ законами *дискурсивнаго* мышленія, и включить въ предметъ ея также анализъ *содержанія* понятій; другими словами, современная логика пытается вскрыть общую связь тѣхъ процессовъ, которые лежатъ въ основѣ дискурсивнаго мышленія, установить ихъ природу и познавательную цѣнность.

На общемъ фонѣ перемѣщенія интереса логическихъ работъ, какъ завершеніе этого процесса, выросла и самостоятельная частная проблема: о логическихъ посылкахъ *историческаго* знанія, противополагаемаго *естествознанію*.

Анализъ научныхъ методовъ познанія, съ цѣлью вскрыть логическую природу существующихъ наукъ, намѣтить тѣ пути, по которымъ онѣ фактически движутся [1]), однако, не сразу привелъ къ противопоставленію исторіи естествознанія, какъ даухъ по своей логической природѣ гетерогенныхъ (діаметрально противоположныхъ) областей человѣческаго знанія. Для этого понадобилась большая и упорная работа мысли. П. Б. Струве, когда-то боровшійся противъ русской соціологической школы за ея противопоставленіе исторіи—естествознанію, капитулировалъ по этому пункту, когда то же самое противопоставленіе пришло изъ-за границы въ трудахъ представителей нѣмецкой философской мысли. „Потребовалась работа цѣлыхъ поколѣній для того, чтобы разграничить „естествознаніе" и „исторію", какъ двѣ области знанія, въ основѣ которыхъ лежатъ два различныхъ способа пониманія міра" — справедливо пишетъ онъ въ своемъ послѣднемъ сборникѣ [2]).

Постараемся вкратцѣ намѣтить основные этапы этой работы мысли.

Различіе между „матеріей" и „духомъ", между „физическимъ" и „психическимъ"—одно изъ самыхъ первыхъ, а на первый взглядъ какъ будто одно изъ простыхъ, элементарныхъ въ данной намъ опытомъ дѣйствительности, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ признакъ легъ первоначально въ основу дѣленія классификаціи наукъ. Науки о „матеріи" (Körperwissenschaften) и науки о „духѣ" (Geisteswissenschaften)—таковы, освященныя отчасти уже временемъ и традиціей, двѣ группы объектовъ человѣческаго познанія, противополагаемыя другъ другу [3]).

Первая попытка подвести теоретическое основаніе подъ данную—вначалѣ безусловно отправлявшуюся отъ простого эмпирическаго факта—классификацію принадлежитъ Юму [4]).

Стремленіе проникнуть внѣ опытнымъ путемъ въ реальность бытія закончилось полнымъ пораженіемъ. На мѣстѣ когда-то чудно задуманныхъ, иногда въ архитектурномъ отношеніи идеально выполненныхъ метафизическихъ построеній взгляду Юма представилась печальная картина развалинъ. Ничего не оставалось, какъ предоставить ихъ въ достояніе археологіи мышленія, самому же, использовавъ

---

[1]) Что задача философіи состоитъ не въ „сочиненіи" абстрактныхъ принциповъ дѣленія наукъ, а въ установленіи реально данныхъ,—это мысль дѣлается все болѣе и болѣе популярной. См., напр., *Sigwart*, Logik, Bd II, 2 Aufl. Leipzig, 1893 г. S 26, 27.

[2]) П. Струве. Patriotica. Спб, 1911 г, стр. 55

[3]) Сами названія. Körperwissenschaften (также Naturwissenschaften) и Geisteswissenschaften, какъ часто бываетъ, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ само дѣленіе.

[4]) См. *David Hume*, Philosophische Versuche uber die men. Erkenntniss, Vermischte Schriften, Bd. II, nach 2 Aufl. aus d. Engl. übersetzt, Hamburg u. Leipzig. 1755.

этотъ матеріалъ въ отрицательномъ смыслѣ,—научившись тому, чего *не слѣдуетъ* дѣлать,—искать новыхъ путей, новой базы для философскаго проникновенія въ „сущность“ вещей.

Юмъ обратился къ *существующимъ наукамъ*, чтобы искать положительное начало, субстратъ философіи, уже не за предѣлами ихъ, а въ нихъ самихъ, точнѣе, *въ функціяхъ нашего мышленія*, изъ природы которыхъ и вытекаютъ границы положительнаго знанія. Во внутреннемъ опытѣ дана намъ реальность сознанія, „а вмѣстѣ съ нею и возможность—глубже познать многообразіе продуктовъ духовнаго творчества, въ ихъ генезисѣ“,—[1]) такъ формулируетъ Дильтей основную посылку гносеологическихъ построеній Юма. Отсюда, какъ необходимое логическое послѣдствіе, вытекаетъ признаніе психологіи базой, основаніемъ для всѣхъ гуманитарныхъ наукъ. Такая группировка получаетъ, слѣдовательно, внутренній, логическій, даже гносеологическій смыслъ. Но, съ другой стороны, въ отведеніи опытной психологіи руководящей позиціи по отношенію ко всѣмъ областямъ знанія о духѣ лежитъ уже—конечно, потенціально,—элементъ, подкапывающійся подъ самую основу дуализма „наукъ о духѣ“ и „наукъ о природѣ“.

Для этого достаточно либо сдѣлать исходнымъ пунктомъ разсужденія взглядъ на область психологіи, какъ на производную, отраженную сферу явленій, причемъ психологическую жизнь разсматривать не какъ причину, а какъ слѣдствіе дѣйствія силъ не психическихъ, механическихъ—*матеріалистическій монизмъ* [2]); либо попытаться обосновать монизмъ наукъ не на тождествѣ *методовъ* познанія, признавая законными исключительно тѣ, которые выработало естествознаніе—*натуралистическій монизмъ*.

Первое теченіе—матеріалистическое, хотя и было въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ формѣ т. н. экономическаго матеріализма, полезно, какъ *методъ* изслѣдованія соціальныхъ явленій, тѣмъ не менѣе теоретически являлось совершенно безпомощнымъ и что болѣе важно—безплоднымъ. Поэтому, хотя оно и понынѣ еще имѣетъ ярыхъ защитниковъ, особенно у насъ въ Россіи, ему не удалось оставить глубокаго слѣда въ исторіи интересующей насъ проблемы.

Не такова судьба второго теченія, родоначальникомъ котораго является основатель позитивизмъ—Огюстъ Контъ.

Далекій отъ матеріалистической однобокости, онъ въ своей соціальной статистикѣ разсматриваетъ естественную среду, объективъ-

---

[1]) См. *W. Dilthey*, des Wesen der Philosophie, S. 21 (Kultur der Gegenwart, Systematische Philosophie, 1908).

[2]) Чисто теоретически допустимо и діаметрально противоположное теченіе: спиритуалистическій монизмъ. „Die Identität von Natur und Geist“, справедливо замѣчаетъ Германъ Когенъ „von Materie und Bewussstein ist ein Sehnsuchts Gedanke in dem sich Spiritualismus und Materialismus begegnen“. (System der Phil. Logik der reinen Erkenntniss, Berlin, 1902, S. 389).

ныя условія развитія человѣка и общества, лишь какъ одинъ изъ факторовъ, наряду съ которымъ не отрицается самостоятельное значеніе за психологической природой, „склонностями“ человѣка; наоборотъ, имъ отводится очень почетная роль: чисто психическій феноменъ—разумъ (raison) провозглашается въ соціальной динамикѣ основнымъ двигателемъ исторіи человѣчества. Три послѣдовательныя ступени мышленія (raison). теологическая (фиктивная), метафизическая (абстрактная) и позитивистическая (научная), думаетъ Контъ, достаточно характеризуютъ поступательный ходъ исторіи [1]). Но зато съ тѣмъ большей энергіей и послѣдовательностью провозглашаетъ онъ *монизмъ методологическій*, отождествляя третій, позитивистическій способъ мышленія, съ естественно научнымъ, ставя между ними знакъ равенства. Познаніе въ этой перспективѣ всецѣло покрывается установленіемъ законосообразности въ явленіяхъ, сведеніемъ всего многообразія ихъ къ ряду эмпирическихъ законовъ.

Математика, астрономія, физика, химія и біологія уже побѣдоносно перешагнули черезъ двѣ предварительныя ступени познанія и стали на незыблемую почву позитивизма; задачу времени, и спеціально своихъ трудовъ, Контъ видѣлъ въ пріобщеніи и соціологіи, слѣдовательно, и исторіи, какъ ея динамической части,—къ рангу позитивныхъ наукъ [2]) А это значитъ, на языкѣ Конта, покончить съ „дескриптивнымъ“—описательнымъ—методомъ, который характеренъ для всѣхъ общественныхъ наукъ, и разсматривать всѣ явленія въ обществѣ и государствѣ исключительно, какъ рядъ послѣдовательныхъ стадій единаго процесса, обусловленнаго своими *спеціальными* законами; найти эти законы и есть единственная, строго научная задача всякаго позитивнаго знанія.

Здѣсь, какъ мы видимъ, проблема не только поставлена, но и разрѣшена. Метафизическій вопросъ о взаимоотношеніи „духа“ и „матеріи“ сознательно устраняется, и на первый планъ выдвигается вопросъ о *методахъ* познанія міра матеріальнаго и духовнаго, который и разрѣшается радикально въ сторону признанія универсальнаго значенія за методами, выработанными естествознаніемъ. Только за работой, оперирующей общими понятіями, идущей отъ частнаго къ общему, отъ „случайнаго“ къ закономѣрному, подчиняющей весь необъятный міръ индивидуальныхъ явленій нѣсколькимъ строгимъ, все объясняющимъ законамъ, признается право называться научной.

Такова вкратцѣ философія того направленія, которое принято называть натурализмомъ, которое и сейчасъ, во всеи своей непри-

---

[1]) Указ. Соч. Стр. 282 сл; 455 сл.

[2]) Мысли эти развиваетъ Контъ, главнымъ образомъ, въ 4 т. своего „Cours de phil. positive“ 1839 г. Какъ на предшественника Конта, не безъ основанія указываютъ на Condercet (основная работа его. Esquisse d'un tableau hictorique des progrès de l'esprit humain“. 1795 г.).

косновенности, является одной изъ самыхъ популярныхъ и господствующихъ доктринъ [1]).

Въ Англіи это теченіе нашло своего выразителя въ Дж. Ст. Миллѣ, на германскую почву его перенесъ Бенеке, который въ своей книгѣ „Grundlegung zur Phisik der Sitten“ высказывалъ надежду, что съ принятіемъ его взгляда „вся философія сдѣлается естественно-научной дисциплиной, трактующей о человѣческой душѣ“ [2]).

Натурализмъ, слѣдовательно, выступилъ на арену съ требованіемъ радикальной реформы всѣхъ гуманитарныхъ наукъ, особенно же исторіи. Верховную задачу послѣдней онъ видитъ не въ конкретномъ изображеніи реальныхъ, во времени и мѣстѣ происшедшихъ событій, а въ абстрактномъ анализѣ ихъ съ цѣлью установить общіе законы историческаго развитія [3]).

Основной, первородный грѣхъ позитивизма въ данномъ случаѣ— *апріорное,* непровѣренное на практикѣ гуманитарныхъ наукъ, какъ онѣ исторически сложились, убѣжденіе, что помимо тѣхъ познавательныхъ цѣлей, которыя себѣ ставитъ естествознаніе, никакихъ другихъ быть не можетъ.

Историческое оправданіе свое эта односторонность находитъ, пожалуй, въ томъ, что позитивизмъ выступилъ, какъ реакція противъ столь же одностороннихъ, но притомъ завѣдомо-метафизическихъ построеній идеалистической философіи. Если натурализмъ хотѣлъ „натурализовать“ духъ, то идеализмъ пытался идеализировать природу. Если первый, какъ не безъ основанія говорятъ, создалъ универсальный культъ механической причинности, то второму далеко не былъ чуждъ универсальный культъ телеологіи. Если первый видѣлъ свою задачу исключительно въ методологическомъ наблюденіи, группировкѣ и классификаціи фактовъ, въ надеждѣ такимъ образомъ охватить дѣйствительность во всей ея сложности и многогранности,—то второй твердо и непоколебимо вѣрилъ въ автономность, неподчиненность человѣческаго духа, въ его свободный починъ и противополагалъ индукціи самодовлѣющую дедукцію [4]).

---

[1]) Всецѣло на точкѣ зрѣнія „натурализма“ стоитъ извѣстный историкъ Карлъ Лампрехтъ. Его полемика съ Риккертомъ, особенно съ г. фонъ-Беловымъ (см. „Die neue historische Methode“. Historische Zeitschrift, 1898) весьма поучительна. Здѣсь очень рельефно выступаютъ какъ сильныя, такъ и слабыя стороны натурализма. См. его: „Alte u. neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft“, Berlin, 1896, „Moderne Geschichtswissenschaft“, Freiburg. 1905 и мн. др.

[2]) Цитир. по Бернгейму, Lerbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie, 5 u. 6 Aufl. Leipzih, 1908.

[3]) См. Grotenfeld, die Wertschätzung in der Geschichte, Leipzig, 1903, S. 2 f.

[4]) Ср Ludwig Stein, Philosopische Strömmungen der Gegenwart, Stutgart, 1908, S. 274 ff.

Классическое свое выраженіе второе теченіе нашло въ философіи Гегеля.

Здѣсь каузальное познаніе окончательно свергается съ своего трона и замѣняется телеологическимъ. Не „почему", а „зачѣмъ" провозглашается верховнымъ критеріемъ познанія. Центральное воззрѣніе Конта въ области философіи исторіи, что міръ въ цѣломъ не имѣетъ никакого „смысла", что исторія не знаетъ никакого „плана", что наука поэтому можетъ имѣть дѣло только съ фактами и законами, находитъ своего идеалистическаго антипода въ концепціи Гегеля, для котораго апріорно ясно, что міръ имѣетъ „смыслъ", что исторія именно движется по „плану", приближаясь постепенно къ своему идеалу, гдѣ духъ достигаетъ полнаго самосознанія, *абсолютной свободы* [1]).

Рѣшивъ основную проблему методологіи: „о границахъ естественно-научнаго познанія" отрицательно, т. е. въ томъ смыслѣ, что эти границы совпадаютъ съ границами познанія вообще,—натурализмъ тѣмъ не менѣе косвенно сыгралъ громадную творческую роль въ дѣлѣ рѣшенія той же проблемы въ положительномъ смыслѣ. Онъ, во-первыхъ, служилъ долгое время единственнымъ стимуломъ дальнѣйшихъ теоретическихъ изслѣдованій въ этой области (съ цѣлью внести коррективъ въ односторонность его построеній), во-вторыхъ,—и это самая большая заслуга натурализма,—въ лицѣ цѣлаго ряда послѣдователей, подвизавшихся во всѣхъ областяхъ „гуманитарныхъ наукъ", онъ сумѣлъ на практикѣ показать, какъ свои сильныя стороны, такъ и неизбѣжные пробѣлы; и этимъ самымъ онъ лишилъ, наконецъ, весь споръ того чисто-формальнаго, апріорно-логическаго, порою даже парадоксальнаго характера, который вначалѣ ему далеко не былъ чуждъ.

Наконецъ, въ трудахъ Риккерта и его школы проблема о методахъ естествознанія и гуманитарныхъ наукъ получила разрѣшеніе, далекое отъ односторонностей прежнихъ школъ [2]). Именно Риккерту удалось, какъ никому до того, воздать божіе—Богови, кесарево—кесарези и подвести окончательный итогъ исторической тяжбы о границахъ различныхъ областей и методовъ познаванія.

Одной своей стороной риккертовское направленіе подходитъ очень близко къ натурализму, именно: въ своемъ отрицаніи принципіальнаго значенія за разницею познавательнаго „матеріала" обѣихъ

---

[1]) См. Куно Фишеръ, Гегель (исторія новой филос., т. VIII) Петер. 1903 г., стр. 5 и др.; также *Rickert*, die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, Tübingen u. Leipzig, 1902. S. 17 f, гдѣ и дѣлается данное сопоставленіе.

[2]) О томъ, что теорія Риккерта не явилась, какъ „Deus ex machina", говорить не приходится. Въ его трудахъ можно найти довольно подробный перечень его предшественниковъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ мы коснемся въ процессѣ изложенія и критики его воззрѣній.

группъ наукъ. Зато, съ другой стороны, оно съ необыкновенной ясностью, путемъ логическаго анализа познавательныхъ *цѣлей*, показало, что естественно-научному познанію поставлены, если не матеріальныя, то *логическія* границы. Оно показало, что есть цѣлая область знанія, и, пожалуй, для человѣка самая цѣнная, которой естествознаніе охватить не можетъ. Не можетъ именно въ силу своего основного и конечнаго идеала: набросить на живой, сложный, многообразный и колоритный, вѣчно измѣняющійся и варіирующій міръ мертвую сѣть постоянныхъ, неизмѣнныхъ, не знающихъ качествъ и красокъ законовъ.

Естественныя науки, учитъ Риккертъ [1]), преодолѣвая многообразіе, данное во всякомъ подлежащемъ опытному познанію явленіи, безразлично, имѣемъ ли мы дѣло съ явленіемъ физическаго или психическаго характера,—стремятся отдѣлаться отъ всего, что въ немъ есть индивидуальнаго, конкретнаго, разъ даннаго, всецѣло концентрируя свое вниманіе на универсальномъ, абстрактномъ, постоянномъ. Не то, что выдѣляетъ данное явленіе, вещь или человѣка изъ ряда другихъ аналогичныхъ феноменовъ, а то, что его съ ними сближаетъ, что у нихъ общаго, родового—интересуетъ естествоиспытателя. Его цѣль—найти мѣсто изслѣдуемому явленію въ существующемъ или созданномъ ad hoc законѣ, отдѣлаться отъ него, какъ экземпляра, подчинивъ его виду, роду и т. д. Въ этомъ смыслѣ Риккертъ и говоритъ, что естественныя науки есть „дѣйствительность съ точки зрѣнія общаго“ [2]), т. е. дѣйствительность, познаваемая не въ ея данной конкретности, индивидуальности, неповторяемости, а въ ея общности, поскольку въ ней проявляются однородные, всеобщіе и неизмѣнные законы—или, вѣрнѣе, поскольку она подводится подъ дѣйствіе таковыхъ. Наука о природѣ есть наука о законахъ ея (Naturwissenschaft ist Gesetzwissenschaft, у Виндельбанда—Normwissenschaft). Но наши познавательныя задачи этими „генерализирующими“ науками далеко не исчерпываются. Больше того, если человѣку что-нибудь дорого въ жизни, если его что-нибудь радуетъ или огорчаетъ, вдохновляетъ на геройскій подвигъ или толкаетъ на своекорыстный поступокъ,—то это ни въ коемъ случаѣ не безжизненныя, безкрасочныя, абстрактныя формулы и схемы, которыя единственно въ состояніи уготовить естествознаніе, а живая, красочная, въ совокупности своихъ качествъ разъ данная дѣйствительность, каковую естествознаніе въ силу внутренней своей логики игнорируетъ, считаетъ за „quantité negligeable“. Познать эту сторону реальнаго бытія призваны историческія науки. Онѣ, въ про-

---

[1]) См. „Die Grenzen der naturwiss. Begriffsbildung“. „Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft, 2 Aufl, Tübingen 1910.“; „Geschichtsphilosophie“ (Сборникъ „Die Philosophie in Beggin des 20 Jahrhunderts“, (estschrift für Kuno Fischer).

[2]) Rickert. die Grenzen, S. 212.

тивоположность естествознанію, отвлекаются въ процессѣ познанія отъ того, что въ познаваемомъ объектѣ есть общаго съ другими, родового, и стараются зафиксировать тѣ стороны, которыя характеризуютъ его въ его индивидуальности, оригинальности, неповторяемости [1]).

Не то, что есть общаго у изучаемаго объекта съ цѣлымъ рядомъ другихъ, а то, что его отъ послѣднихъ *отличаетъ* интересуетъ историка. Если естествознаніе „есть дѣйствительность съ точки зрѣнія общаго", то исторія есть „дѣйствительность съ точки зрѣнія частнаго" [2]).

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ скелетъ риккертовскаго ученія. „Матерія" и „духъ" перестаютъ быть тѣми признаками, по которымъ производится классификація наукъ, наоборотъ, какъ уже указано, за этимъ „вещественнымъ", лежащимъ въ самихъ объектахъ, различіемъ отрицается всякое методологическое значеніе. Демаркаціонная линія проводится по признаку чисто логическому, сообразуясь съ познавательными задачами, которыя ставятъ себѣ тѣ или другія науки. Задачи же могутъ быть двѣ: либо науки стремятся познать объектъ въ его *абстрактной* общности, универсальности, либо въ его *реальной* индивидуальности,—первыя суть науки *естественныя*, вторыя—*историческія*.

Двѣ эти группы наукъ, такимъ образомъ, не знаютъ въ принципѣ своихъ, специфически имъ присущихъ, объектовъ познанія. Наоборотъ, всякое явленіе можетъ одновременно быть объектомъ какъ „генерализирующаго", такъ и „индивидуализирующаго"—говоря въ терминахъ Риккерта—методовъ изслѣдованія.

Концепція эта для насъ, русскихъ, не является чѣмъ-то неожиданнымъ, новымъ. Гораздо раньше Риккерта ее сформулировалъ и положилъ въ основу своихъ философско-историческихъ трудовъ не кто иной, какъ П. Л. Лавровъ. Что многіе русскіе ученики Риккерта, выступавшіе, какъ критики „русской субъективной школы", этого не замѣтили, объясняется исключительно ослѣпившей ихъ предвзятой точкой зрѣнія. Но если бы самъ Риккертъ былъ знакомъ съ трудами русскихъ соціологовъ [3]), онъ какъ честный нѣмецкій профессоръ, счелъ бы своимъ долгомъ не только присоединить имя Лаврова къ списку тѣхъ лицъ, которыхъ считаетъ своими предшественниками, но и отвести ему среди нихъ особое почетное мѣсто.

Если, говоря о докладѣ Виндельбанда „Исторія и естественныя

---

[1]) Взглядъ, что задачи исторіи—изображеніе индивидуальнаго, сейчасъ за немногими исключеніями, можетъ считаться общепризнаннымъ. Ср. напр., *Wundt*, Logik, 2 Aufl., II, 2 S. 345; *Sigwart*, Logik, II, 2 Aufl., S. 587 f.

[2]) *Rickert*, die Grenzen, S. 248.

[3]) Конечно, не по такимъ случайнымъ „источникамъ", какъ статья Кистяковскаго въ „проблемахъ идеализма", откуда черпаетъ свои „свѣдѣнія" о русской соціологической школѣ Максъ Веберъ.

науки“ [1]), Риккертъ замѣчаетъ, что по прочтеніи этой брошюры у нѣкоторыхъ можетъ явиться сомнѣніе въ необходимости его труда: „Границы естественно-научнаго образованія понятій“, то еще съ большимъ правомъ онъ могъ бы это сказать по отношенію къ трудамъ Лаврова. Конечно, ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ сомнѣніямъ такого рода не должно быть мѣста.

Въ первомъ—потому, что мысли, брошенныя Виндельбандомъ почти въ формѣ афоризмовъ, Риккертомъ приведены въ стройную систему; система эта даетъ отвѣтъ на всѣ тѣ сложные вопросы, которые встаютъ предъ человѣкомъ, усвоившимъ такой взглядъ на задачи естественно-научнаго и историческаго познанія. Помимо этого, Виндельбандъ совершенно не коснулся вопроса о различіи въ методахъ *образованія понятій* обѣихъ группъ наукъ,—вопроса, которому у Риккерта посвящена большая половина книги. Такимъ образомъ, все построеніе какъ бы висѣло въ воздухѣ, оставаясь хорошо задуманнымъ планомъ, безъ указанія возможности его реализаціи.

Во второмъ случаѣ—гипотетическомъ—сомнѣнія были бы необоснованы потому, что, несмотря на полную почти аналогію въ постановкѣ Лавровымъ и Риккертомъ всѣхъ проблемъ методологіи исторіи,—рѣшенія этихъ проблемъ у того и другого далеко не всегда совпадаютъ, а въ кардинальномъ вопросѣ—о методѣ историческаго образованія понятій—діаметрально расходятся. Между Риккертомъ и Лавровымъ лежитъ пропасть различія міросозерцанія, пропасть, отдѣляющая идеализмъ отъ позитивизма и довольный существующимъ индивидуализмъ отъ рвущагося къ будущему соціализма.

„Принципъ дѣленія наукъ,—говоритъ Виндельбандъ,—опредѣляется формальнымъ характеромъ ихъ познавательныхъ цѣлей. Однѣ ищутъ общихъ законовъ, другія—устанавливаютъ отдѣльные историческіе факты; выражаясь языкомъ формальной логики, цѣль однихъ—„генеральное“, аподиктическое сужденіе, другихъ—единичное, обособляющее утвержденіе“ [2]).

„Науки ищутъ въ познаніи дѣйствительности либо общее въ формѣ закона природы, либо частное (единственное) въ его исторически данномъ обликѣ“ [3]).

„Различіе между естествознаніемъ и исторіей начинается лишь тамъ, гдѣ вопросъ идетъ объ использованіи „фактовъ“ въ познавательныхъ цѣляхъ: естествознаніе ищетъ законовъ, исторія—образовъ“ [4]).

---

[1]) *Windelband*, Geschichte und Naturwissenschaft, Strassburg, 1899.
[2]) Указан. Соч., стр. 11.
[3]) Тамъ же, стр. 12.
[4]) Тамъ же, стр. 16.

А вотъ нѣсколько иллюстрацій къ этимъ мыслямъ виндельбандскаго доклада, легшихъ и въ основу труда Риккерта:

„Каспаръ Гаузеръ внезапно явился на улицахъ Нюренберга и черезъ 5 лѣтъ былъ зарѣзанъ... Сѣверо Американское междоусобіе вызвало страшную потерю людей и денегъ въ Америкѣ и отозвалось экономическимъ кризисомъ въ Европѣ.

Что изучаемъ мы въ этихъ явленіяхъ?

Для психолога Каспаръ Гаузеръ представляетъ интересъ рѣдкаго экземпляра личности, вступившей взрослою въ общество, экземпляра, на которомъ удобнѣе изслѣдовать нѣкоторые *общіе законы* [1]) психическихъ явленій, чѣмъ на другихъ личностяхъ.

Для біографа и для историка Каспаръ Гаузеръ представляетъ обособленное явленіе данной эпохи, результатъ странной совокупности *однажды* встрѣтившихся обстоятельствъ... Когда Аксельмъ Фейербахъ предполагалъ въ немъ послѣдняго представителя дома Церингенъ, онъ изслѣдовалъ не повторяющееся, а *единственное* историческое явленіе".

„Въ группѣ явленій, связанныхъ съ Сѣверо-Американскимъ междоусобіемъ, соціологъ найдетъ подобнымъ же образомъ рядъ примѣровъ для общихъ законовъ разныхъ областей общественной жизни, историкъ же разсмотритъ эту группу въ ея сложности, какъ обособленное явленіе, наблюдаемое однажды, и которое, именно въ своей цѣлости и сложности, повторенія не допускаетъ".

Какъ навѣрно уже замѣтилъ читатель, примѣры мы взяли не у Виндельбанда и не у Дильтея, который отчасти считается предшественникомъ Виндельбанда, а у П. Л. Лаврова [2]), изъ его „Историческихъ писемъ", печатавшихся въ журналѣ „Недѣля" въ концѣ 60-хъ годовъ и появившихся книгой (перв. изд.) въ 1869 г.

О значеніи, которое Лавровъ придавалъ различію между цѣлями естественно-научнаго и историческаго познанія, ярче всего говоритъ тотъ фактъ, что онъ, какъ Виндельбандъ и Риккертъ, кладетъ этотъ логическій критерій въ основу дѣленія наукъ [3]).

---

[1]) Курсивъ вездѣ, гдѣ это спеціально не оговорено, принадлежитъ самому автору.

[2]) Ист. Пис., стр. 22—25. См. аналогичные примѣры у Риккерта, Kult. u. Naturw., S. 56 ff

[3]) На той же, приблизительно, точкѣ зрѣнія, что Риккертъ, Виндельбандъ и Лавровъ, стоитъ и извѣстный французскій ученый, на котораго указываетъ и Риккертъ, A. Xénopol. Онъ также отклоняетъ принятое дѣленіе наукъ по признаку: „духъ" и „матерія" и вмѣсто этого предлагаетъ различать: „faits coexistants" или „faits de répétitions" и „faits successifs". Различіе только въ томъ, что Xénopol не достаточно ясно подчеркиваетъ формальный характеръ данной классификаціи. См. A. Д. Xénopol „Les principes fondamentaux de l'histoire", Paris, 1899, также, „La classifications des sciences et l'histoire", Revue de Syntèse historique 1901, т. II, стр. 269. Нельзя здѣсь не отмѣтить также и *Карла Менгера*, который значительно раньше Виндельбанда въ своей книгѣ: „Untersuchungen uber die methode der Socialwissen-

Подъ естествознаніемъ Лавровъ понимаетъ два рода наукъ: „науки *феноменологическія*, изслѣдующія законы повторяющихся явленій и процессовъ, и науки *морфологическія*, изучающія распредѣленіе предметовъ и формъ", причемъ къ феноменологическимъ онъ относитъ: „геометрію", механику, группу физико-химическихъ наукъ, біологію, *психологію, этику* и *соціологію* [1]).

Та революція, слѣдовательно, которую произвелъ Виндельбандъ, отнесши психологію, учитывая ея познавательную цѣль и методы,—къ естествознанію, затѣмъ Риккертъ, отправивши туда же и по тѣмъ же причинамъ соціологію [2]), оказывается уже была продѣлана и съ той же мотивировкой, только болѣе послѣдовательно, Лавровымъ: онъ вполнѣ законно причислилъ къ естествознанію и этику, ибо и она, въ конечномъ счетѣ, стремится познать не индивидуальные факты этической жизни, а общія нормы ея.

Естествознанію въ цѣломъ противополагается исторія. Обѣ эти группы наукъ не знаютъ своихъ обособленныхъ объектовъ познанія, обѣ онѣ имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ опыта, только подходятъ къ нему съ разныхъ сторонъ: естественно-научной и исторической. Первая создаетъ „міръ неизмѣнно *повторяющихся* явленій [3]), здѣсь „изслѣдователь ищетъ закона, охватывающаго явленія во всѣхъ его повтореніяхъ", и только во второмъ случаѣ, „въ историческомъ процессѣ, представляетъ интересъ не законъ повторяющагося, а совершившееся измѣненіе само по себѣ" [4]). Поскольку поэтому естествоиспытатель разсматриваетъ міръ сквозь призму неповторяемости явленій, онъ покидаетъ строгую почву теоретическаго естествознанія и занимается *исторіей*. Это намъ объясняетъ, почему „геологи съ нѣкоторымъ правомъ говорятъ объ *исторіи* земли, астрономы-теоретики—объ *исторіи* міра" [5]); съ

---

schaften" (Leipzig, 1883 г.) высказалъ мысли, по ясности мало уступающія тѣмъ, что мы привели изъ доклада Виндельбанда. „Міръ явленій,—говоритъ Менгеръ,—можетъ быть разсмотрѣнъ съ двухъ. существенно различныхъ точекъ зрѣнія. Предметомъ нашего научнаго интереса могутъ быть либо конкретные феномены во времени и мѣстѣ, въ конкретныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, либо-же постоянно повторяющіяся формы въ смѣнѣ этихъ явленій. Первое направленіе изслѣдованія ищетъ *познанія* конкретнаго, правильнѣе, индивидуальнаго въ явленіяхъ, второе—генеральнаго; въ соотвѣтствіи съ этими двумя основными тенденціями познавательнаго интереса, мы находимъ двѣ большія группы научнаго знанія, изъ которыхъ мы для краткости первую будемъ называть индивидуальной, вторую—генеральной" (Указ. соч., стр. 3).

[1]) Историческія письма, стр. 13—14 (Курсивъ нашъ).

[2]) См. Rickert, Die Grenzen, S. 287, 8. „Соціологія есть естество-научное изображеніе общественной дѣйствительности". Ср. также стр. 18 и мн. др.

[3]) Историческія письма, стр. 21.

[4]) Историческія письма, стр. 21, 22. Сравни *Rickert*, die Grenzen S. 29—250.

[5]) Историческія письма, стр. 18.

другой стороны, далеко не все въ человѣкѣ, въ народахъ входитъ въ процессъ исторической жизни. Въ ежедневной дѣятельности самыхъ важныхъ историческихъ личностей есть много такого, что самый тщательный біографъ никогда не записывалъ и никогда не запишетъ, какъ жизнь тысячи человѣческихъ единицъ съ перваго до послѣдняго ихъ дыханія не представляетъ никакого интереса для изслѣдователя. Въ жизни общества историкъ не записываетъ явленій, повторяющихся ежегодно съ математической правильностью, онъ отмѣчаетъ лишь то, что измѣняется“ [1]). Слѣдовательно, поскольку есть народы, жизнь которыхъ протекаетъ, какъ въ муравейникѣ, не создаетъ индивидуальныхъ, отличныхъ другъ отъ друга эпохъ, не знаетъ характерныхъ, выдающихся событій и явленій,—постольку, отвлеченно разсуждая, историки вправѣ выдѣлять „изъ всей массы человѣчества лишь нѣкоторые народы и нѣкоторыя расы, называя ихъ историческими“, оставляя „все остальное человѣчество на долю этнографіи, лингвистики,—словомъ, какой угодно наукѣ, лишь бы не исторіи“ [2]).

Другой вопросъ—существуютъ-ли на самомъ дѣлѣ такіе абсолютно неисторическіе народы, не ложная-ли это гипотеза, проистекающая отъ недостатка знанія и пониманія жизни менѣе культурныхъ народовъ и расъ? [3]).

Установивъ наличность двухъ точекъ зрѣнія на міръ, естественно-научной и исторической, Лавровъ, какъ и Риккертъ, понимаетъ, однако, что это *логическая схема*, куда не укладывается безъ остатка весь фактическій міръ знанія; что ни одна наука не знаетъ чистыхъ кристалловъ естественно-научнаго или историческаго, а что въ каждой представлено въ большей или меньшей степени одно и другое [4]). Это обстоятельство, конечно, нисколько не лишаетъ данную схему ея научнаго значенія. Какъ на идеальныхъ, не данныхъ опытомъ, фигурахъ въ геометріи, такъ точно и здѣсь на идеальной схемѣ легче всего изслѣдовать логическую правомѣрность того или иного утвержденія. Пусть ни одна наука не знаетъ „чистыхъ методовъ“, но за то всякая знаетъ или, вѣрнѣе, *должна* знать основную, доминирующую тенденцію ея познавательнаго инте-

---

[1]) Тамъ же, стр. 18—19. Всѣ эти соображенія высказаны, конечно, въ разныхъ мѣстахъ и Риккертомъ. См., напримѣръ, Kulturw. u. Naturwiss. S 11 (Bemerkung).

[2]) См. Ист. письма, стр. 19. Сравни также С. Арнольда. „Задач. поним. исторіи“, 1898, стр. 29; П. Лавровъ, Опытъ исторіи мысли, т. I (задачи исторіи мысли, 1894, стр. 22 и др.

[3]) См. Истор. письма, стр. 19—20. Это же сомнѣніе высказываетъ и Риккертъ. Бернгеймъ же категорически заявляетъ: Es gibt keine absolut unhistorische Völker“ (Указан. Соч., стр. 47).

[4]) У Риккерта этотъ вопросъ очень детально и исчерпывающе разработанъ въ „Die Grenzen“. Ом. особ. стр. 264 сл. и 480) сл. Также „Kulturw. u. Naturw.“ стр. 106 сл.

роса: стремится ли она познать изслѣдуемую ею дѣйствительность въ ея *индивидуальности* или *генеральности*, интересуетъ ли ее данный феноменъ самъ по себѣ, въ своей характерной своеобразности, или какъ *средство*, чтобы на немъ провѣрить или установить дѣйствіе *общихъ* эмпирическихъ законовъ. Къ сожалѣнію, и сейчасъ еще приходится слово „знаетъ“ замѣнять двумя словами: „должна знать“. Конечно, мысль, легшая въ основу даннаго „требованія“, теперь является болѣе понятной и „своевременной“, чѣмъ въ годы, когда писались „Историческія письма“, но общепризнанностью она все-таки далеко еще не пользуется. Некритическая мысль, пожалуй, еще согласится съ тѣмъ, что цѣль исторіи—изображеніе индивидуальнаго [1]); но съ тѣмъ, что цѣль естествознанія—преодолѣть индивидуальное, растворить его въ общемъ, универсальномъ,—она мирится съ трудомъ. Эта идея, глубоко заложенная уже въ аристотелевской логикѣ, особенно трудно усваивается въ нашу эпоху, эпоху крайней специализаціи, когда такъ легко теряются перспективы, и забываются цѣли знанія, когда помимо вагнеровскихъ Regenwürmer часто ничего и не ищутъ.

Ученый кристаллографъ, положившій всю свою жизнь на изученіе какого-нибудь рѣдкаго кристалла, минералогъ, изучающій опредѣленную уродливую форму, анатомъ, долгіе годы изучавшій его заинтересовавшую аномалію [2]), — всѣ они часто совершенно теряютъ научную перспективу: первому кажется, что познавательная цѣль его—изучить именно этотъ конкретный кристаллъ, второму—именно эту форму минерала, третьему—именно этотъ патологическій случай. Различіе между познавательною *цѣлью* (Erkenntniszweck) и познавательнымъ средствомъ (Erkenntnismittel) — по Риккерту, или между Realgrund und Erkenntnisgrund—по Веберу [3]), ученику Риккерта въ философскихъ вопросахъ—совершенно затушевано. Забывается, что „формы даннаго кристалла интересуютъ лишь наблюдателя-профана“, что „минералогъ возводитъ искаженныя формы къ неизмѣннымъ типамъ, подчиненнымъ строгимъ геометрическимъ законамъ“, что „данная анатомическая аналогія есть лишь *поводъ* для анатома установить законъ...“ [4]). Частный случай — варіируетъ эту мысль Лавровъ— есть не болѣе, какъ *средство* изслѣдованія. Появленіе частной формы при тѣхъ или другихъ условіяхъ получаетъ интересъ лишь

---

[1]) Такъ, въ сущности, и понимали всегда историки свою задачу. Полемика Лампрехта противъ Риккерта основана на простомъ недоразумѣніи, именно: на ложномъ предположеніи Лампрехта, будто такой взглядъ на задачи исторіи необходимо предполагаетъ *индивидуально*-психологическій, а не *соціально*-психологическій анализъ ея.

[2]) Примѣры эти взяты у Лаврова, Ист. письма, стр. 22.

[3]) *M. Weber* ‚Kritische studien auf dem Gebiet der Kulturwissenschaftlichen Logik, Archiv für Sozialwiss и Socialpolitik, Bd. 22, 1906, S. 162.

[4]) Историч. письма, стр. 22. (курсивъ нашъ).

въ смыслѣ изученія законовъ зависимости *между данными условіями* среды и появляющимися при этомъ формами“ [1]).

На анализѣ вопроса, къ которому мы сейчасъ переходимъ — о *взаимоотношеніи каузальнаго и историческаго познанія* — еще нагляднѣе можно показать, что свою схему классификаціи наукъ Лавровъ не только предложилъ въ видѣ афоризма (какъ это отчасти сдѣлалъ Виндельбандъ), но вошелъ вглубь этой проблемы и далъ интересную попытку охватить всѣ вытекающія изъ опредѣленнаго ея рѣшенія необходимыя логическія послѣдствія.

Всякое опытное познаніе есть въ то же время познаніе каузальной зависимости. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что исторія не составляетъ исключенія, что и она, наравнѣ съ естествознаніемъ, всегда стремится установить причинную связь явленій. Но дальше этой общей посылки аналогія не идетъ. Въ естествознаніи примѣнить категорію причинности къ какому-нибудь явленію, значитъ — чаще всего понять его съ точки зрѣнія „дѣйствія“ какого-нибудь общаго закона, т. е. свести причину (или причины), данную во времени (въ физическомъ мірѣ и въ пространствѣ), къ внѣ-временной, общеобязательной законосообразности. Въ исторіи же это значитъ — найти данному, конкретному явленію мѣсто среди другихъ конкретныхъ явленій, *включить его въ общую связь событій* [2]).

Этой мысли Лавровъ даетъ прекрасное выраженіе, указывая на двойной, принципіально различный, смыслъ, который вкладывается въ понятіе „законъ“ уже въ самомъ естествознаніи, въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы дѣло съ науками *феноменологическими*, изучающими „законы повторяющихся явленій и процессовъ“, или *морфологическими*, изучающими „распредѣленіе предметовъ и формъ“, въ цѣляхъ свести ихъ на „моментъ генетическихъ процессовъ [3]). Въ первомъ случаѣ „законъ явленій формулируетъ условія, при которыхъ явленія повторяются въ опредѣленномъ порядкѣ“; слѣдовательно, къ исторіи, разсматривающей явленія съ точки зрѣнія ихъ неповторяемости, „этотъ смыслъ слова... вовсе не приложимъ“ [4]). Во второмъ случаѣ, наоборотъ, законъ „обозначаетъ *нормальный порядокъ* послѣдовательности фазисовъ эволюціи“ [5]). „Въ этомъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 20.

[2]) См. *Rickert*, Die Grenzen, S. 399 ff., 409 ff.; *Sigwart*, Logik, Bd. II 2 Aufl., S. 633 ff.; *Wundt*, Logik, Bd. II, Abt. 2, S 267 ff.; *Fouillee*, Le mouvement idéaliste et la reaction entre la scince positive, 2-ème edition, 1896, стр. 633 и мн. др.

[3]) Ист. письма, стр. 13, 14.

[4]) Ibid, стр. 26. Ту же мысль выражаетъ Риккертъ словами: „историческій законъ есть contradictio in adfjecto“.

[5]) Задачи поним. исторіи, стр. 15 (Курсивъ нашъ).

смыслѣ слово „законъ“ приложимо и къ исторіи, такъ какъ оно обозначало бы группировку событій во времени“ [1]).

Въ такомъ, особомъ отъ обычнаго, смыслѣ принимается часто понятіе „закона“ въ наукахъ *біологическихъ*, поскольку онѣ стремятся „установить послѣдовательность въ фактахъ эволюціи формъ живыхъ существъ. идетъ ли дѣло о развитіи отдѣльной біологической особи или системѣ организмовъ, какъ одного цѣлаго“ [2]); въ наукахъ *астрономическихъ*, поскольку „дѣло идетъ о законѣ распредѣленія свѣтилъ на поверхности небеснаго свода“ [3]); въ *геологіи*, поскольку мы интересуемся „исторіей“ земли, генезисомъ „земного шара“ [4]); и, наконецъ, въ *исторіи*, въ узкомъ и спеціальномъ смыслѣ этого слова, поскольку она стремится зафиксировать послѣдовательные этапы развитія человѣческаго общества и соціальныхъ институтовъ. Этотъ спеціальный смыслъ понятія о „законахъ“ отличается отъ общаго тѣмъ, что имъ не устанавливается ничего общеобязательнаго, такъ сказать, внѣвременнаго; при его посредствѣ стараются только установить разъ данный генезисъ явленій, какъ опредѣленной длительности циклъ, независимо отъ того, сопровождается ли это вѣрой въ возможность повторенія такого цикла или нѣтъ [5]). Съ другой стороны, ничего новаго, въ смыслѣ пониманія причинъ явленій, законы генетическіе *въ себѣ не содержатъ*, а иллюстрируютъ только конкретное примѣненіе первой группы законовъ. „Распредѣленіе анатомическихъ формъ намъ понятно потому, что оно для насъ есть лишь одинъ моментъ цѣлаго ряда послѣдователь-

---

[1]) Ист. письма, стр. 27 (Курсивъ нашъ). Сравни: Rickert, Die Grenzen 395 При этомъ Лавровъ не смѣшиваетъ двухъ понятій: пріисканія данному явленію мѣста среди другихъ или, какъ выражается Риккертъ· „нахожденіе мѣста историческому объекту, въ качествѣ члена, въ общей исторической связи“ (Ibid), съ „подведеніемъ объекта, какъ экземпляра, подъ общее понятіе“ (Ibid). Это явствуетъ уже изъ того, что цѣль морфологическихъ наукъ онъ усматриваетъ въ сведеніи „всѣхъ наблюдаемыхъ формъ и распредѣленій на моменты генетическихъ процессовъ“ (Ист. письма, стр. 14)

[2]) Задачи пон. истор., ст. 12.

[3]) Историческія письма, стр. 27.

[4]) Ibid, стр. 27, 28.

[5]) Въ работѣ, появившейся на нѣмецкомъ языкѣ: „Individuelle Kausalität“ (Berlin, 1905), г. Гессенъ старается въ духѣ риккертовскаго ученія провести грань между естественно-научнымъ и историческимъ пониманіемъ закона причинности. Курьезно, что этотъ *русскій* писатель и не подозрѣваетъ, насколько развиваемыя имъ идеи являются простымъ повтореніемъ того, что давнымъ давно въ русской литературѣ установлено Лавровымъ. Кого изъ знакомыхъ съ литературой русской соціологической школы, хотя бы онъ даже не зналъ о существованіи Риккерта, поразитъ новизной указаніе, что понять причинную связь какого-нибудь явленія въ естествознаніи—значитъ подвести его подъ общіе законы, въ исторіи же мы имѣемъ дѣло съ необходимостью „временной послѣдовательности кусковъ дѣйствительности“, которые вполнѣ индивидуальны и никогда не могутъ совершенно такъ же повториться“? (см. указ. соч., стр. 32 и сл., стр. 73 и сл.).

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

ныхъ распредѣленій, обусловленныхъ процессомъ органическаго развитія, которое есть не что иное, какъ совокупность механическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ явленій“ [1]). „Распредѣленіе формацій горныхъ породъ и минераловъ для насъ понятно, лишь какъ слѣдъ исторіи земли, какъ результатъ генезиса земного шара, т. е. какъ одинъ членъ изъ ряда продуктовъ непрерывнаго дѣйствія механическихъ и физико-химическихъ законовъ въ предѣлахъ нашей планеты“ [2]). Ту-же мысль, только болѣе абстрактно, выражаетъ и Зиммель, когда, имѣя въ виду историческіе законы, говоритъ: „совершенно ясно, что они вообще не законы, значимость (Gültigkeit) которыхъ въ каждомъ пунктѣ времени и мѣста, гдѣ даны условія ихъ реализаціи, должны сказаться, а, напротивъ, комплексы явленій, которые въ зависимости отъ комбинацій обусловливающихъ ихъ данныхъ—появляются то въ одномъ, то въ другомъ видѣ, и вмѣсто того, чтобы что-нибудь объяснить, сами нуждаются въ объясненіи“ [3]).

Поскольку поэтому и по отношенію къ исторіи въ узкомъ смыслѣ (исторіи человѣческихъ обществъ) говорятъ о „законахъ“, слова эти могутъ имѣть только одинъ смыслъ: *констатированіе послѣдовательной связи явленій*, т. е. извѣстнаго распредѣленія ихъ во времени (какъ въ геологіи, напримѣръ, когда говорятъ о фазисахъ развитія земной коры) Въ данномъ пониманіи словосочетаніе: „законъ исторіи“ допустимо. Но если говорятъ, что Бокль „открылъ нѣкоторые законы исторіи“, то допускаютъ смѣшеніе понятій, ибо „онъ только *помощью* исторіи устанавливалъ нѣкоторые *законы*

---

[1]) Историческія письма, стр. 27—28.

[2]) Ibid.

[3]) *Simmel*, die Probleme der Geschichtsphilosophie, Leipzig, 1892, S. 70 Любопытно отмѣтить слѣдующій фактъ. Б. А. Кистяковскій въ статьѣ своей „Русская соціологическая школа“ (въ сборникѣ „Проблемы идеализма“, изд. московскаго психологическаго общества) не безъ нѣкотораго гордаго сознанія своего „западно европейскаго“ превосходства отмѣчаетъ, что въ своемъ нѣмецкомъ изслѣдованіи „Gesellschaft und Einzelwesen“ онъ бралъ „понятія соціальнаго организма и толпы въ томъ видѣ, какъ они были выработаны въ западно-европейской соціально-научной литературѣ, и совсѣмъ не принималъ во вниманіе модификацій, внесенныхъ въ эти понятія русскими соціологами“ (стр. 229, примѣч.). Это, казалось бы, обязываетъ отмѣтить и тѣ случаи, гдѣ „модификаціи“ русскихъ соціологовъ принимались во вниманіе. Но этого именно г. Кистяковскій не дѣлаетъ Въ своемъ изслѣдованіи „Gesellschaft und Einzelwesen“ онъ учитъ различать два вида законовъ (въ терминологіи Лаврова: феноменологическіе и морфологическіе), изъ которыхъ одни „устанавливаютъ общія положенія длительной значимости, другіе же (біологическіе, космическіе и геологическіе. Б. К., разсматриваютъ все съ точки зрѣнія ихъ даннаго во времени теченія, измѣненія и новообразованія“ („Geselsch. u. Einzelwesen“, Berlin 1889, S. 38). Въ отличіе отъ первыхъ, поясняетъ онъ, законы второго вида не содержатъ „*ничего... новаго*, въ строгомъ смыслѣ слова, или ничего того, что уже въ большей своей части не было бы выражено въ законахъ механики, астрономіи и химіи“ (Ibid, стр. 37, курсивъ нашъ). Ссылокъ же на Лаврова нигдѣ нѣтъ.

социологіи, т. е. опредѣлялъ при пособіи историческихъ примѣровъ, какъ преобладаніе того или другого элемента дѣйствуетъ на развитіе общества вообще и какъ оно *всегда будетъ дѣйствовать*, если повторится это преобладаніе" [1]).

Другой кардинальный вопросъ методологіи наукъ есть вопросъ объ образованіи научныхъ понятій. Какъ уже было указано, самъ фактъ констатированія различія цѣлей, имманентныхъ нашему познанію, не есть еще рѣшеніе методологической проблемы, а только, если цѣли вѣрно указаны, правильная постановка ея. Рѣшенной же проблема можетъ считаться только тогда, когда указаны и *адэкватныя средства*, необходимыя и, главное, возможныя для реализаціи данныхъ цѣлей.

Традиціонная логика, уже въ лицѣ Д. Ст. Милля, почти въ совершенствѣ разработала вопросъ объ образованіи естественно-научныхъ понятій; дальше этого она не шла и не могла пойти, ибо сама возможность другого — индивидуализирующаго — вида научнаго познанія ею принципіально игнорировалась. Только съ утвержденіемъ самостоятельности историческаго познанія дѣлается возможнымъ и насущнымъ вопросъ о другихъ методахъ образованія понятій, отличныхъ отъ методовъ естественно-научныхъ.

Познавать, значитъ, претворять въ понятія. Разъ историческое знаніе не претендуетъ на отдѣльные, специфически ему подсудные объекты и противополагаетъ себя, только какъ *особый видъ* знанія тѣхъ же объектовъ, оно неминуемо должно пользоваться своимъ, *особымъ* методомъ образованія понятій. Исторія и соціологія, обрабатывая одинъ и тотъ же матеріалъ, могутъ не иначе придти къ разнымъ результатамъ, какъ употребляя разные масштабы, *своеобразно укладывая опытный матеріалъ въ понятія*.

Въ естествознаніи торжествуетъ, говоря словами Риккерта, „генерализующая" тенденція, которая даетъ возможность преодолѣть „ирраціональную въ своемъ интенсивномъ и экстенсивномъ многообразіи дѣйствительность"; даетъ возможность охватить разумомъ міръ, въ которомъ, по выраженію Лаврова, „существуютъ *только* одновременныя и послѣдовательныя сцѣпленія фактовъ, столь мелкихъ и дробныхъ, что человѣкъ едва ли можетъ ихъ уловить во всей ихъ мелкости и дробности" [2]). „При изслѣдованіи законовъ явленій, *повторяющихся*—комментируетъ это основное положеніе Лавровъ—ого самое повтореніе способствуетъ, слѣдовательно, отличію фактовъ важныхъ и существенныхъ отъ частностей, не имѣющихъ значенія для разсматриваемыхъ фактовъ, и отъ случайностей, обусловленныхъ трюизмомъ, что нѣтъ ни двухъ предметовъ, ни двухъ опытовъ совершенно сходныхъ между собою во всѣхъ ихъ частностяхъ: для

[1]) Историческія письма, стр. 25—26.
[2]) Историческія письма, стр. 41.

законовъ повторяющихся явленій важны именно тѣ элементы предмета или процесса, которые повторяются, и въ той степени, въ какой они повторяются“ [1]).

Принципъ выбора (Auswahl — по Риккерту), какъ мы видимъ, въ естествознании очень прость (вполнѣ, такъ сказать, предрѣшенъ его задачами): „что повторяется въ неизмѣнной связи, то важнѣе потому, что въ немъ то и есть законъ; что же относится къ случайнымъ видоизмѣненіямъ, то маловажно и берется лишь къ свѣдѣнію для будущихъ возможныхъ соображеній“ [2]); или, говоря словами Риккерта: „существеннымъ въ вещахъ и явленіяхъ здѣсь считается то, что они имѣютъ общаго съ объектами, входящими въ тѣ же понятія, все же чисто индивидуальное въ нихъ, какъ несущественное, не входитъ въ науку“ [3]).

Читатель уже, вѣроятно, самъ обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ терминологіи Лаврова и Риккерта какъ здѣсь, такъ и вездѣ, гдѣ они касаются даннаго вопроса, существуетъ нѣкоторое различіе: какъ на *принципъ выбора*, для отличія важнаго отъ неважнаго при образованіи естественно-научныхъ понятій, первый указываетъ на моментъ *повторяемости* явленій, второй — *общности* ихъ.

Сначала можетъ казаться, что различіе это, дѣйствительно, только различіе въ словахъ, въ терминахъ: вѣдь общее въ вещахъ и явленіяхъ и есть то въ нихъ, что повторяется. Въ дѣйствительности это не совсѣмъ такъ, и указанное различіе обусловлено принципіальными теоретическими соображеніями. Дѣло въ томъ, что Риккертъ, хотя и признавалъ въ предѣлахъ самаго естествознанія двѣ различныхъ группы понятій въ зависимости отъ того, является ли его цѣлью отысканіе *законовъ повторяющихся явленій* или просто группировка вещей и явленій по какому-нибудь общему признаку (такъ, напр., при систематизаціи въ зоологіи, ботаникѣ и т. д.),—однако, совершенно не подчеркнулъ его принципіальнаго значенія. Лавровъ, со своей стороны, это сдѣлалъ и сдѣлалъ чрезвычайно удачно, отдѣливъ науки феноменологическія отъ морфологическихъ. Риккерту хотѣлось какъ можно рельефнѣе подчеркнуть противоположность всего естествознанія исторіи, и потому данную дифференцировку въ предѣлахъ самого естествознанія онъ скорѣе даже затушевывалъ. Это желаніе отдѣлаться отъ „непріятнаго“ факта

---

[1]) Задачи поним. истор., стр. 84, 85. Сравн. стр. 29. Истор. письма: „при уясненіи связи явленій... первый шагъ всегда заключается въ отличіи важнѣйшаго отъ менѣе важнаго“.

[2]) Истор. письма, стр. 30. Эту же мысль Риккертъ выражаетъ такъ: естествознаніе „обращается часто и къ несущественнымъ, съ точки зрѣнія общихъ понятій, „остаткамъ“, чтобъ ихъ подчинить новымъ понятіямъ“ (Kult. u. Nat. S. 43).

[3]) Kult. u. Natur, S. 38, 39.

невольно завело Риккерта въ лабиринтъ противорѣчій. По его концепціи получается такая картина: всему естествознанію исключительно присущъ принципъ образованія понятій путемъ фиксированія общихъ признаковъ вещей и явленій, такъ что при все большемъ и большемъ упущеніи спеціальныхъ признаковъ получается нѣчто вродѣ пирамиды все восходящихъ въ своей общности понятій, изъ которыхъ самое послѣднее какъ бы стремится совершенно отдѣлаться отъ вещественныхъ признаковъ, перевести — выражаясь въ терминологіи Риккерта—послѣднія вещественныя понятія въ функціональныя (Dingbegriffe in Relationsbegriffe).

Критика уже давно отмѣтила односторонность, а вслѣдствіе этого и неправильность даннаго построенія. Во первыхъ, путемъ отвлеченія общихъ признаковъ можно придти къ очень строгой классификаціи предметовъ и явленій, но не къ установленію законовъ, въ чемъ самъ Риккертъ видитъ основную задачу естествознанія. Наоборотъ, такое отвлеченіе, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ Риккерта [1]), уже предполагаетъ ихъ существованіе. Во вторыхъ, естествознаніе на ряду съ такой формой „генерализирующей абстракціи“ знаетъ и другую, діаметрально-противоположную, какъ ее удачно называетъ Вундтъ, *изолирующую* [2]).

Лаврову эти противорѣчія чужды. Принципъ выбора у него не общность, а повторяемость явленій, что не исключаетъ процесса установленія эмпирическихъ законовъ, не отождествляетъ его съ процессомъ отвлеченія общихъ признаковъ, и, такимъ образомъ, не исключаетъ „изолирующаго метода“. Какъ уже въ своемъ мѣстѣ было указано, данный методъ образованія понятій характеренъ только для наукъ феноменологическихъ и только косвенно, благодаря отсутствію у наукъ морфологическихъ собственнаго критерія для отличія существеннаго отъ второстепеннаго, пріобрѣтаетъ значеніе и для нихъ [3]).

Нужно указать, что Виндельбандъ часто употребляетъ ту же терминологію, что и Лавровъ: такъ, онъ противополагаетъ „номотетическому“ способу образованія понятій въ естествознаніи „идіографическій“ въ исторіи, „который имѣетъ своей цѣлью изображеніе *неповторяемаго, особеннаго*“ (Auf die Darstellung des Einmaligen und Besonderen gerichtet). Также само обозначеніе естественнонаучнаго метода *номотетическимъ* ставитъ Виндельбанда ближе къ Лаврову, чѣмъ Риккерта, ибо терминъ этотъ почти исключительно примѣнимъ къ наукамъ *феноменологическимъ*, такъ какъ только для нихъ характерно стремленіе отыскивать общеобязательные эмпирическіе законы, постоянную функціональную зависимость явленій.

---

[1]) См. *Frischheisen-Köhler*, Ueber die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Archiv für Syst. Philosophie, Bd. 12. S. 239 ff.

[2]) *Wundt*, Logik, Bd. II, Abt. I, S. 12 ff.

[3]) Болѣе подробно см. у Лаврова, „Историческія письма“, стр. 30—31.

II.

Культурныя цѣнности и критерій оцѣнки.

Мы видѣли. что въ основу классификаціи наукъ, выдѣляющей исторію на особое мѣсто, у Лаврова и Риккерта положенъ *формально-логическій* критерій: различеніе повторяемаго и не повторяемаго у одного, общаго и частнаго у другого. Но для характеристики исторіи недостаточно одного формальнаго критерія: онъ долженъ быть дополненъ матеріальнымъ. Грандіозное мировое зданіе, гдѣ человѣчество теряется, какъ песчинка въ морѣ, все же въ цѣломъ интересуетъ его только съ естественно научной точки зрѣнія. Лишь та незначительная часть этого грандіознаго цѣлаго, гдѣ „человѣчество“ чувствуетъ себя активнымъ агентомъ, лишь „явленія человѣческой жизни, личной или коллективной“,—имѣютъ уже „двойной интересъ“: естественно-научный и историческій. Поэтому Лавровъ вноситъ *матеріальное* ограниченіе понятія исторіи, разумѣя подъ послѣднею лишь исторію человѣческаго общества. Такимъ образомъ, естествознанію въ широкомъ смыслѣ противопоставляется исторія въ узкомъ смыслѣ, исторія человѣчества. Аналогичное матеріально-ограничительное толкованіе исторіи мы находимъ и у Виндельбанда и Риккерта, противополагающихъ въ конечномъ счетѣ естествознанію не „исторію“, а *гуманитарныя науки* (Kulturwissen-schaften). Но въ то время, какъ первая, Лавровская, схема не можетъ вызвать серьезныхъ возраженій, вторая, Риккертоская, подверглась, не безъ основанія, весьма вѣской критикѣ. Въ сущности, мы имѣемъ у него дѣло не съ ограниченіемъ понятія исторіи, а съ подмѣной его другимъ, неадэкватнымъ ему, понятіемъ гуманитарныхъ наукъ, изъ которыхъ каждая—объ этомъ забываетъ Риккертъ—имѣетъ не только историческую часть, но и естественно-научную [1]).

Въ отличіе отъ естествознанія вопросъ о критеріи важнаго и неважнаго въ исторіи—безъ чего, конечно, и здѣсь невозможно на-

---

[1]) См. *Wund*, Einleitung in die Philosophie, Leipzig 1901, S. 66, 67.

учное познаніе—является самымъ кардинальнымъ и запутаннымъ. Если принять во вниманіе, что исторія есть дѣйствительность (пусть только соціальная) съ точки зрѣнія частнаго (по Лаврову „неповторяющагося"); съ другой стороны, что непосредственная дѣйствительность въ ея реальномъ, живомъ теченіи только и знаетъ частное, не повторяющееся, все-же остальное есть продуктъ естественно-научной абстракціи [1]),—то вопросъ о критеріи важнаго и неважнаго въ историческомъ познаніи можетъ легко показаться совершенно неразрѣшимымъ. Риккертъ вполнѣ правъ, когда говоритъ, что Виндельбандъ своимъ указаніемъ на особый историческій методъ образованія понятій (idiografisches Verfahren) еще ничего не сказалъ, ибо въ томъ, что собой представляетъ это „idiografisches Verfahren", и заключается собственно вопросъ [2]).

Лавровъ,—и здѣсь рука объ руку съ нимъ идетъ никто иной, какъ Н. К. Михайловскій,—какъ извѣстно, не ограничился однимъ указаніемъ на существованіе метода, особаго отъ естественно-научнаго, но далъ вполнѣ опредѣленный—согласиться съ нимъ или нѣтъ, это дѣло другое—отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ его сущность, въ чемъ его отличительные признаки. Мы говоримъ, конечно, о такъ называемомъ „*субъективномъ методѣ*".

Чтобы лишить споръ о теоретической цѣнности и значеніи даннаго метода того сумбурнаго характера, отъ котораго далеко не свободны даже двѣ наиболѣе содержательныя критическія статьи объ этомъ методѣ г. Бердяева и г. Кистяковскаго—нужно выяснить одно глубокое, почти уже имѣющее за собою историческую давность, недоразумѣніе. Причина его, какъ почти всегда въ такихъ случаяхъ,—терминологическая неточность. Любопытно, что даже защитники „субъективнаго метода" искали ошибокъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ,—въ якобы неправильномъ сочетаніи словъ „методъ" и „субъективный". Карѣевъ счелъ даже нужнымъ выбросить вообще слово „методъ" и говоритъ просто о „субъективизмѣ" [3]); В. Лесевичъ замѣнилъ терминъ „субъективный методъ" терминомъ „субъективная точка зрѣнія". Но никто—ни защитники, ни критика, не обратили вниманія на дѣйствительно, по меньшей мѣрѣ, неточное сло-

---

[1]) „Вѣроятно, ни одинъ изслѣдователь—замѣчаетъ Лавровъ—не нашелъ *совершенно* тождественныхъ угловъ преломленія свѣта для той же преломляющей среды, ни одинъ не получилъ *совершенно* тождественныхъ результатовъ химическаго анализа"... („Ист. Письма", стр. 30).

[2]) См. „Kul. u. Naturw", S. 78, 79 Сравни также *Frischheisen-Koher*, a. a. O. S. 230 f.

[3]) Всѣ эти сомнѣнія не имѣли бы мѣста, если бы критика (въ данномъ случаѣ, впрочемъ, и защита) отдала бы себѣ точный отчетъ въ томъ, что „субъективный методъ" есть сокращенная форма понятія: „субъективный методъ образованія понятій". Можно, конечно, спорить по существу и отрицать какъ возможность, такъ главное научность такого метода, но противъ *логической* правомѣрности самого термина ничего сказать нельзя. Конечно,

воупотребленіе, когда областью примѣненія субъективнаго метода считали *соціологію*, когда творили о *субъективномъ методѣ въ соціологіи*.

Если бы Лавровъ отправлялся въ своей классификаціи наукъ отъ „матеріальнаго“ критерія, какъ это дѣлаетъ еще большинство современныхъ логиковъ, и въ соотвѣтствіи съ этимъ противополагалъ бы „наукамъ о природѣ“ „науки о духѣ“ и тогда утвержденіе, что соціологія знаетъ особый методъ образованія понятій, было бы не совсѣмъ точнымъ, ибо дѣло могло бы идти не о соціологіи, какъ таковой, а о всей суммѣ гуманитарныхъ наукъ. Но мы знаемъ, что въ основу дѣленія наукъ Лавровъ положилъ иной, чисто формальный, признакъ: въ зависимости не отъ *предмета* науки, а отъ направленія ея интереса, и что въ этой перспективѣ соціологія (какъ психологія и этика) отошла къ естествознанію. Получается довольно любопытная картина: *особый отъ естественно-научнаго методъ утверждается не для единственной въ концепціи Лаврова особой отъ естествознанія дисциплины,—исторіи, а для части естествознанія,—соціологіи.*

Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Имѣются ли на этотъ счетъ аутентичныя указанія? Имѣются, и въ достаточномъ количествѣ. Раньше всего нужно отмѣтить вотъ что. Въ „Историческихъ Письмахъ“, трудѣ, гдѣ заложенъ фундаментъ того построенія, которое затѣмъ получило ходячую кличку „субъективнаго метода въ соціологіи“, нѣтъ ни этого словосочетанія, ни по существу того утвержденія, что субъективный методъ примѣняется именно къ соціологіи. Наоборотъ, тамъ все время идетъ рѣчь о критеріи важнаго и неважнаго въ *исторіи*, противополагаемой естествознанію [1]), и если мы тамъ находимъ указаніе, что „для всей группы наукъ, относящихся къ человѣку, критерій важнѣйшаго долженъ прилагаться сообразно характеристическимъ особенностямъ человѣка“ [2]), то это есть только повтореніе той мысли, что подъ исторіей, поскольку имѣются въ виду специфическіе методы познанія, должно понимать только исторію человѣческаго общества и не больше, такъ какъ

слово „субъективный“ берется здѣсь въ лго *психологическомъ* значеніи, а не какъ логическая категорія. Взглядъ же г. Кистяковскаго, что вопросы о методологіи суть въ первую голову вопросы гносеологическіе, совершенно не выдерживаетъ критики: онъ находится въ явномъ противорѣчіи съ самыми выдающимися методологическими трудами современности. Достаточно привести только много разъ уже цитированную нами книгу Риккерта „Die Grenzen etc.“, логику Вундта, Зигварта. Во всѣхъ этихъ трудахъ можно найти предостереженія противъ такого диллетантскаго сиѣщенія явленій двухъ разныхъ категорій. Методологія не есть гносеологія, а дальнѣйшая надстройка надъ этой послѣдней.

[1]) См особенно главу 2-ю: „Процессъ исторіи“, стр. 18—45.

[2]) Ibid.

только здѣсь человѣкъ не можетъ „выдѣлиться изъ процессовъ, *для него* характеристичныхъ“ [1]).

Въ другихъ мѣстахъ Лавровъ, дѣйствительно, часто говоритъ о субъективномъ методѣ въ *исторіи и соціологіи*, такъ, напримѣръ, въ „Задачахъ пониманія исторіи“: „Сказанное здѣсь о пониманіи исторіи распространяется въ значительной степени и на пониманіе соціологіи“ [2]), или: „Это обусловливаетъ важную и неизбѣжную роль субъективныхъ пріемовъ мысли въ соціологіи“ [3]); наконецъ, четвертая глава этой книги озаглавлена: „Объективные и субъективные элементы въ соціологіи и исторіи“ [4]). Тѣмъ не менѣе противорѣчія во всемъ этомъ нѣтъ. Лавровъ совершенно ясно оговорилъ, что субъективный методъ находитъ себѣ примѣненіе въ соціологіи лишь постольку и тогда, поскольку и когда въ этой естественно-научной дисциплинѣ имѣются *историческіе элементы* [5]).

Хотя соціологія и изучаетъ явленія соціальной жизни съ точки зрѣнія ихъ повторяемости, тѣмъ не менѣе „условія, при которыхъ они обнаруживаются, оказываются существенно-различными для разныхъ эпохъ“, допущеніе же, „что подобныя условія, констатированныя для одной эпохи, прилагаются безъ всякихъ измѣненій къ другой, можетъ повести къ крупнымъ ошибкамъ въ пониманіи роли общественныхъ формъ и процессовъ, которые остаются *категоріями историческими*“ [6]). Субъективный методъ и прилагается въ соціологіи лишь въ той степени, въ какой она принуждена оперировать историческими категоріями. А избѣжать ихъ ей врядъ ли вообще удастся, ибо всегда ей придется считаться съ такимъ фактомъ, какъ, напримѣръ, тотъ, что „роль частной собственности совершенно иная въ эпоху распаденія родового строя и замѣны его другимъ, гдѣ характеристическими формами оказывались государство и тѣсная семья,—и въ эпоху современнаго громаднаго развитія пролетаріата и его нынѣшняго положенія въ индустріи“ [7]). Итакъ, „*насколько категоріи въ ней (соціологіи) разсматриваемыя, оказываются категоріями историческими*“, резюмируетъ эту мысль Лавровъ,—настолько въ ней „*обусловлена важная и неизбѣжная роль субъективныхъ пріемовъ мысли*“ [8]).

---

[1]) „Истор. Письма“, стр. 31.
[2]) „Зад. пон. ист.“, стр. 82.
[3]) „Зад. пон. ист.“, стр. 83.
[4]) „Зад. пон. ист.“, стр. 79.
[5]) Выясненію вопроса о наличности историческихъ элементовъ въ естествознаніи и естественно-научныхъ въ исторіи, Риккеръ посвятилъ двѣ большія главы въ своей книгѣ „Die Grenzen etc.“.
[6]) „Задачи пон. ист.“, стр. 82.
[7]) „Задачи пон. ист.“, стр. 82.
[8]) „Зад. пон. ист.“, стр. 83. Нетрудно было бы доказать, хотя это, дѣйствительно, нигдѣ ясно не оговорено, что и Михайловскій отстаивалъ законность и неизбѣжность субъективнаго метода въ гуманитарныхъ наукахъ

Указанное сейчасъ ограничительное толкованіе сферы примѣненія субъективнаго метода, утвержденіе его законности и неизбѣжности исключительно при образованіи историческихъ понятій, или, что то же, при историческомъ познаніи,—имѣетъ громадную теоретическую цѣнность. Здѣсь мы ясно видимъ, что различіе методовъ не совпадаетъ съ „матеріальнымъ“ различіемъ объектовъ наукъ; что субъективный методъ не покрываетъ *всей области* психическихъ явленій, или, вѣрнѣе, покрываетъ, *но лишь съ одной стороны*, тогда какъ съ другой эти же психическія явленія (другими словами, вся сумма гуманитарныхъ наукъ) могутъ быть объектами естественнонаучнаго познанія, и тогда законенъ и обязателенъ только объективный методъ. Вотъ почему еще въ своемъ отвѣтѣ Слонимскому Михайловскій совершенно опредѣленно заявилъ: „Я говорилъ о необходимости сознательнаго примѣненія субъективнаго элемента, но никогда не говорилъ о сознательномъ устраненіи объективности“ (Соч., т. X, стр. 124). Мы уже знаемъ, что *психологія*, эта основа всѣхъ гуманитарныхъ наукъ, отнесена Лавровымъ къ естествознанію, и, слѣдовательно, по отношенію къ ней признанъ законнымъ исключительно объективный методъ.

„Вопросъ о приложеніи субъективнаго метода къ пониманію историческихъ и соціологическихъ явленій,—говоритъ Лавровъ, — совершенно отличенъ отъ вопроса о научномъ изслѣдованіи *субъективныхъ процессовъ* въ особи и въ группахъ особей [1]). Уже въ фи-

---

лишь постольку, поскольку всѣ онѣ являются также, и главнымъ образомъ, науками историческими. И это далеко не случайность, что „среди разнообразныхъ толкованій, которыя придаетъ Н. К. Михайловскій своему „субъективному методу“, особенно выдвигается *этическое толкованіе*“ (Н. Бердяевъ, „Субъективизмъ и индивидуализмъ общественной философіи“, критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ, съ пред. П. Струве, Спб., 1901 г., стр. 38), ибо этическіе критеріи приложимы только къ явленіямъ *историческимъ*, къ фактамъ, проходящимъ „черезъ человѣческія руки“ (Михайловскій, полн. соб. соч., т. V, стр. 378). Только здѣсь этическая оцѣнка есть явленіе законное, больше того неизбѣжное. Михайловскій не споритъ противъ теоріи развитія Спенсера, а только противъ того, что установленный ходъ эволюціи онъ считалъ въ то же время и *прогрессомъ*, т. е. дѣлалъ ее нравственной нормой, критеріемъ этической оцѣнки историческихъ явленій. Здѣсь законно противопоставляется этой „нормѣ“ другая, здѣсь законна критика великаго Божьяго міра „съ точки зрѣнія своего кусочка мозга“ (Мих., т. III, стр. 151). Эту характерную „для г. Михайловскаго мысль“ (г. Бердяевъ, указ. соч., стр. 38—59) не продумалъ до конца и не замѣтилъ, что здѣсь данъ отвѣтъ—и съ нашей точки зрѣнія единственно возможный въ предѣлахъ эмпирическаго знанія — на самый сложный вопросъ философіи исторіи.

[1]) Здѣсь, безусловно, Лавровъ нѣсколько расходится въ пониманіи значенія субъективнаго метода съ Михайловскимъ. Вотъ его собственное заявленіе объ этомъ: „Къ сожалѣнію, въ одномъ пунктѣ приложенія термина *субъективизмъ* къ историческимъ и соціологическимъ изслѣдованіямъ мнѣ приходится высказать свое несогласіе съ положеніями, которыя под-

зникъ процессъ объективнаго пониманія звуковыхъ и оптическихъ различій, какъ различныхъ системъ колебаній опредѣленной среды, съ одной стороны, и изученіе субъективно различныхъ для насъ звуковъ и красокъ, съ другой, требуетъ совершенно одинаковыхъ пріемовъ *объективнаго* мышленія, такъ какъ дѣло идетъ о *повторяющихся* явленіяхъ, совершенно такъ же изучаемыхъ всякимъ физикомъ. Въ психологіи передъ нами исключительно явленія *субъективныя*, которыя можетъ, въ сущности, исключительно наблюдать въ себѣ отдѣльная особь, лишь *умозаключая*, по признакамъ, воспринятымъ ею опять-таки *субъективно*, что въ другихъ особяхъ совершаются подобные же субъективные процессы. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно назвать иначе, какъ пріемами чисто-объективными чуть ли не всѣ способы изученія всѣхъ областей психологіи... Во всѣхъ этихъ случаяхъ разница субъективная между изслѣдователями различнаго общаго развитія имѣетъ не болѣе значенія, чѣмъ личная поправка къ наблюденіямъ астронома, существованіе которой не вызываетъ вопроса объективности астрономическихъ изслѣдованій вообще. Субъективныя явленія могутъ быть совершенно точно констатированы и изучаемы... чисто—*объективными* пріемами мысли, точно такъ же, какъ явленія вполнѣ объективныя (какъ, напримѣръ, явленія историческія и соціологическія) для научнаго ихъ пониманія

держивается Н. И. Карѣевъ въ первой и четвертой главѣ второй книги своего замѣчательнаго труда „Основные вопросы философіи исторіи", положеніями, которыя защищаетъ и Н. К. Михайловскій въ его полемикѣ съ г. Южаковымъ, въ „Запискахъ профана" (сочиненія, т. III. 1881, стр. 148 и слѣд.). Понять психическіе побужденія и процессы, давшіе въ результатѣ такой то личный поступокъ или такое то коллективное дѣйствіе, могутъ одинаково изслѣдователи очень различнаго психическаго строя и развитія, при одинаковыхъ, приблизительно, умственныхъ способностяхъ и одинаковомъ знаніи предмета. Это пониманіе можетъ быть передано отъ одной личности другой путемъ логической критики данныхъ психологіи и ихъ приложенія къ опредѣленному случаю. Поэтому я не могу относить подобнаго разъясненія личныхъ и коллективныхъ дѣйствій въ исторіи къ методу *субъективному*, а считаю правильныхъ назвать этотъ пріемъ объективнымъ" („Опытъ" Т. I, стр. 91, примѣч.). Въ то время какъ Лавровъ разрѣшаетъ данный вопросъ въ духѣ Риккерта, Михайловскій стоитъ значительно ближе къ Дильтею, Зиммелю, отчасти даже къ Вундту и Зигварту. По Михайловскому, „субъективнымъ методомъ называется такой способъ удовлетворенія познавательной потребности, когда наблюдатель ставитъ себя на мѣсто наблюдаемаго" (Мих., Т. III, стр. 402), или „субъективный методъ изслѣдованія употребляется всѣми тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мысляхъ и чувствахъ людей" (Мих. т. III, стр. 403) Нужно отмѣтить, что лучшая статья, написанная въ защиту субъективнаго метода, „Субъективный методъ въ соціологіи" В. М. Чернова (сборникъ „Философскіе и соціологическіе этюды", Москва 1907 г.), ближе подходитъ въ своемъ пониманіи субъективнаго метода къ воззрѣніямъ Михайловскаго, чѣмъ Лаврова. Большая часть этой статьи и лучшія страницы ея посвящены защитѣ субъективнаго метода, мы бы сказали въ его *психологическомъ* а не *методологическомъ* (или логическомъ) значеніи

требуютъ довольно часто... чисто-субъективныхъ условій, безъ которыхъ это пониманіе невозможно“ [1]).

Въ чемъ заключаются эти субъективныя условія, безъ которыхъ невозможно историческое (и соціологическое—поскольку въ немъ имѣются историческіе элементы) познаніе? Здѣсь мы должны вернуться къ сказанному уже выше, именно, что цѣль историческаго познанія, которую Лавровъ формилируетъ такъ: „опредѣлить послѣдовательную связь явленій, одинъ лишь разъ представляющихся историку въ данной совокупности“ [2]), въ отличіе отъ естественно-научнаго, не даетъ намъ критерія для отличенія важнаго отъ неважнаго, существеннаго отъ второстепеннаго. „При изслѣдованіи явленій *повторяющихся* (правильнѣе было бы сказать: „того, что въ явленіяхъ повторяется“ *Б. К.*) это самое повтореніе способствуетъ отличенію фактовъ важныхъ и существенныхъ отъ частностей“; но когда мы имѣемъ дѣло съ явленіями неповторяющимися, *„то именно эти объективные признаки отсутствуютъ, и приходится прибѣгать къ другимъ пріемамъ, чтобы установить разницу между существеннымъ и случайнымъ, между важнѣйшимъ и второстепеннымъ“* [3]).

„Что исторія должна изображать только „существенное“, говоритъ Риккертъ, съ этимъ всякій безъ дальнѣйшихъ разсужденій согласится, больше того, историка сильно упрекаютъ, если онъ это правило нарушаетъ. Слова же „существенный“, или „интересный“, „характерный“, „важный“, „значительный“, которыя всегда должны быть прилагаемы къ историческому изслѣдованію, не имѣютъ ровно никакого смысла, если не признать предпосылки: существованія какихъ бы то ни было *признанныхъ цѣнностей* [4]). Историку, говоря словами Лаврова, „приходится оцѣнивать важное и неважное, существенное и второстепенное въ прошломъ, если онъ хочетъ *научно понять* это прошлое“ [5]). Индивидуализированный образъ получается въ результатѣ приложенія *точки зрѣнія масштаба* къ до того безформенному матеріалу исторіи; только *выдѣляя* мы познаемъ. Безъ этого исторія, какъ наука, невозможна, она въ лучшемъ случаѣ могла бы быть собраніемъ хроникерскихъ замѣтокъ, хотя и здѣсь дѣло не обходится безъ оцѣнокъ. „Даже лѣтописецъ, справедливо замѣчаетъ В. Черновъ, не можетъ быть фотографіей, одинаково точно отражающей все, что происходитъ. И онъ необходимо обнаруживаетъ по отношенію къ извѣстнаго рода фактамъ, образно вы-

---

[1]) „Задачи пон. исторіи“, стр. 83—84.
[2]) „Ист. Пасьма“, стр. 26.
[3]) „Задачи Пон. Истор.“, стр. 84, 85.
[4]) *Rickert*, „Die Grenzen“, S 364.
[5]) Опытъ, Т. I. Стр. 77. (Курсивъ нашъ) Ср. *Rickert*, „Die Grenzen“, S. 580: „культурныя цѣнности, вотъ, что единственно дѣлаютъ возможной исторію какъ науку“.

ражаясь, избирательное сродство“ [1]). Избирательное же сродство, въ свою очередь, обусловлено наличностью воззрѣнія, признанныхъ цѣнностей, *идеала*. Это положеніе сейчасъ является безспорнымъ, и число „авторитетовъ“, которыхъ въ свое время цитировалъ по этому поводу В. Черновъ, можно было бы теперь значительно увеличить Но въ этомъ, думается намъ, нѣтъ необходимости.

Болѣе важнымъ намъ кажется разобраться въ вопросѣ, точно ли „телеологическій“ методъ у Риккерта и „субъективный“ у Лаврова-Михайловскаго всецѣло покрываютъ другъ друга, такъ что даже законно восклицаніе: „лучшаго изложенія своей идеи (чѣмъ у Риккерта. *Б. К.*) не пожелалъ бы никакой русскій субъективистъ“ [2]). Если первое изданіе „Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft“ Риккерта и давала на это нѣкоторое право, то сейчасъ, когда вышелъ капитальный трудъ его „О границахъ естественно-научнаго образованія понятій“, когда, наконецъ, и книга „Naturw. u Kulturw.“ вышла 2-мъ исправленнымъ изданіемъ—такое утвержденіе явилось бы ложнымъ. Можно сейчасъ утверждать какъ разъ обратное: что Риккертъ является заклятымъ врагомъ „субъективизма“ въ пониманіи его Лавровымъ и, особенно, конечно, Михайловскимъ, и потратилъ немало труда, чтобы *отмежеваться* отъ такого пониманія защищаемаго имъ „теологическаго метода“. Мы надѣемся, что дальнѣйшее изложеніе сдѣлаетъ это наше утвержденіе безспорнымъ.

Указывая на отсутствіе *объективнаго*, даваемаго самими цѣлями историческаго знанія, критерія для „расцѣнки“ историческаго матеріала, Лавровъ задаетъ себѣ вопросъ: нельзя ли найти такой критерій какимъ-нибудь инымъ способомъ? „Не считать ли,- спрашиваетъ онъ, важнѣйшими тѣ явленія, которыя охватываютъ большее число личностей и болѣе обширную территорію? Но въ такомъ случаѣ эпидемію пришлось бы признать болѣе значительнымъ историческимъ явленіемъ, чѣмъ проповѣдь Виклифа и Яна Гуса“. „Или не слѣдуетъ ли руководиться мнѣніемъ современниковъ того или другого событія о значеніи послѣдняго, независимо отъ позднѣйшихъ вліяній и оцѣнокъ? Но съ этой точки зрѣнія философъ Огюстъ Контъ былъ бы совершенно маловажнымъ явленіемъ сравнительно съ эклектизмомъ, крестовый походъ Людовика IX въ Африку имѣлъ бы несравненно болѣе значенія, чѣмъ разрушеніе провансальской цивилизаціи другими крестоносцами той же эпохи“. „Едва ли не подобныя же возраженія можно привести при разсмотрѣніи всякаго другого *объективнаго* критерія для различенія важнаго и второстепеннаго въ историческомъ процессѣ. *Между тѣмъ отказаться отъ всякаго различенія подобнаго рода—все равно, что отказаться отъ всякаго отчетливаго представленія о данной эпохѣ, какъ о*

---

[1]) *В. Черновъ*, указ. соч., стр. 227.
[2]) *В. Черновъ*, указ. соч., стр. 231.

конкретномъ, индивидуализированномъ историческомъ образѣ, и отъ пониманія этой эпохи, какъ одного изъ фазисовъ общаго эволюціоннаго процесса человѣчества“ [1]). Но мы отъ этого не отказываемся и исторія пишется, слѣдовательно „расцѣнка“ производится въ силу *субъективнаго* критерія, въ силу личной точки зрѣнія историка, его воззрѣній, его *идеала*. Такъ смотритъ на природу субъективнаго метода родоначальникъ его, Лавровъ.

Діаметрально противоположное рѣшеніе даетъ этому кардинальному вопросу методологіи исторіи Риккертъ. Признавая, вмѣстѣ съ Лавровымъ, „что критеріи для рѣшенія того, что исторически важно и что нѣтъ... не даны въ самомъ созерцательномъ матеріалѣ“ [2]), онъ тѣмъ не менѣе далекъ отъ мысли отказаться въ исторіи отъ *объективнаго* критерія вообще и признать здѣсь законнымъ *субъективное* начало. Наоборотъ, послѣднее онъ категорически отвергаетъ и отъ наличности объективнаго критерія ставитъ въ зависимость существованіе исторіи, *какъ науки*. Историческое знаніе, правда, невозможно безъ признанія наличности *цѣнностей;* но это, думаетъ Риккертъ, еще далеко не обязываетъ насъ признать законнымъ субъективную оцѣнку историческихъ фактовъ и явленій. Онъ учитъ насъ различать два понятія: *оцѣнивать* (bewerthen) и *приводить въ связь съ цѣнностями* (auf Werte beziehen). „Въ сущности, говоритъ онъ, вообще не дѣло научной исторіи говорить, воплощаетъ ли изображаемая ею индивидуальная дѣйствительность цѣнности или она враждебна таковымъ... то же, что мы называемъ „отношеніемъ“ (Beziehung) индивидуума къ цѣнностямъ, нужно строго отличать отъ непосредственной оцѣнки (Bewerthung). Это было бы, продолжаетъ онъ, какъ разъ *самое ужасное* изъ всѣхъ недоразумѣній, если бы насъ такъ понимали, что мы процессъ оцѣнки (die Fällung von Werturtheilen) считаемъ задачей научной исторіи. Наоборотъ, въ полномъ освобожденіи процесса приведенія въ связь съ цѣнностями отъ элементовъ оцѣнки мы должны видѣть научный признакъ научно-историческаго познанія“ [3]). Или въ другомъ мѣстѣ: „Справедливо требуютъ именно отъ историка, чтобы онъ изображалъ вещи возможно „объективно“... Какъ согласовать это съ утвержденіемъ, что приведеніе въ связь съ цѣнностями относится къ существу историческаго метода? Чтобы это понять, нужно себѣ уяснить, что есть такой способъ приведенія въ связь съ цѣнностями, который не совпадаетъ съ практическимъ сужденіемъ (praktisches Stellungnehmen) и оцѣнкой, а что можно объекты

---

[1]) „Задачи понят. Истор.“, стр. 85—86 (Курсивъ нашъ). Также мысль въ „Истор. Письмахъ“, стр. 36 и сл.

[2]) *Rickert*, „Kulturw. u Naturw.“ S. 79. Сравни „Die Grenzen ..“ SS. 326, 368

[3]) *Rickert*, „Die Grenzen.. S. 364 (Курсивъ нашъ).

разсматривать *число теоретически* съ точки зрѣнія цѣнностей" [1]). Наконецъ. „Если бы исторіи не была присуща та же объективность, какъ естествознанію, то этимъ самымъ дѣлалось бы проблематичнымъ и значеніе указанныхъ границъ естественно-научнаго образованія понятій" [2]).

Такимъ образомъ, все значеніе своихъ многолѣтнихъ трудовъ надъ разграниченіемъ естествознанія и исторіи Риккертъ готовъ признать проблематичнымъ, если не пожелаютъ вмѣстѣ съ нимъ „строго различать практическую оцѣнку отъ чисто теоретическаго приведенія въ связь съ цѣнностями". Въ чемъ же усматриваетъ Риккертъ это различіе? Почему „приведеніе въ связь съ цѣнностями" есть „теоретическій", чисто объективный процессъ мысли, а „оцѣнка" — „практическій", сугубо субъективный? Предоставимъ слово самому Риккерту. „Объективности спеціальнаго историческаго изслѣдованія ни въ какомъ случаѣ не угрожаетъ наличность культурной цѣнности, какъ руководящаго принципа при выборѣ существеннаго, ибо историкъ можетъ сослаться на *общепризнанность* цѣнности, какъ на фактъ; этимъ онъ достигаетъ максимальной эмпирической объективности, которой можетъ достигнуть эмпирическая наука" [3]). *Общепризнанныя цѣнности* — вотъ, коротко говоря, центральная ось, вокругъ которой вертится все построеніе Риккерта, онѣ устраняютъ „произволъ въ историческомъ образованіи понятій" и гарантируютъ „объективность его" [4]). Для кого это „фактъ", для того и фактъ, конечно, различіе между выдѣленіемъ явленія изъ ряда другихъ съ точки зрѣнія такой цѣнности, и непосредственной оцѣнкой явленія, съ точки зрѣнія своего субъективнаго мнѣнія, представленія или идеала. „Фактъ" объясняетъ также и то, что „историку" не приходится становиться на индивидуалистическую или коммунистическую точку зрѣнія, чтобы отсюда осматривать ему симпатичное или исторически важное", ибо „здѣсь именно не дѣлается различія между приведеніемъ въ связь съ цѣнностями и оцѣнкой, послѣдняя же нарушаетъ всякую научную объективность" [5]) такъ какъ „оцѣнивать, значитъ, всегда хвалить или упрекать, приводить же въ связь съ цѣнностями—ни первое, ни второе. Однимъ словомъ, *„всякое историческое изображеніе, если оно хочетъ быть научнымъ, должно проецировать свои объекты на цѣнности, которыя являются таковыми для всѣхъ"* [6]).

---

[1]) *Riekert*, Geschichtsphilosophie, S. 78.

[2]) *Rickert*, „Die Grenzen", S. 600.

[3]) *Rickert*, „Kulturw. u Naturw, S 145 (Курсивъ нашъ). Сравни „Die Grenzen", S. 629. „Въ исторіи существуетъ лишь приведеніе объектовъ въ связь съ общепризнанными цѣнностями" и др. м.

[4]) *Rickert*, „Kulturw. u Naurw.", S. 99

[5]) *Riekert*, Die Grenzen, S. 502.

[6]) *Rickert*, „Kulturw. u Naturw.", S 91.

Не мало труда и остроумія потратилъ Риккертъ для доказательства того, что объективныя цѣнности есть „фактъ, а не реклама“. Но все это—трудъ, затраченный—за очень немногими исключеніями—безрезультатно. И большинство не только критиковъ, но и поклонниковъ—хотя бы Гротенфельдъ, Бернгеймъ и др.—продолжаютъ считать мнимый „фактъ“ только за „рекламу“. Такое единодушіе въ отрицаніи спасительнаго „факта“ не осталось безъ вліянія на самого Риккерта, и чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе онъ склоненъ дѣлать своимъ противникамъ въ этомъ пунктѣ самыя серьезныя уступки. Нѣкоторое сомнѣніе, впрочемъ, уже просачивается и сквозь плотно зацементированный трудъ. „О границахъ естественно-научнаго образованія понятій“... Общезначимость цѣнности, говоритъ здѣсь Риккертъ, можетъ имѣть два значенія: „либо цѣнность дѣйствительно всѣми признана, либо дѣлается презумпція, что она должна быть всѣми признана; это значитъ, что цѣнность можетъ обладать либо фактической, либо *нормативной* общезначимостью“ [1]). Но это также значитъ—такого вывода Риккертъ, конечно, не дѣлаетъ,—что фактической „общезначимости“ уже нѣтъ, а есть субъективная тѣнь ея! Какой смыслъ можетъ имѣть утвержденіе: цѣнность обладаетъ *нормативной* общезначимостью? Исключительно тотъ, что съ точки зрѣнія какой-нибудь нормы, какого нибудь постулата она должна быть признана; но сама-то норма, очевидно, не является общепризнанной, ибо въ такомъ случаѣ теряло бы свой смыслъ и само противопоставленіе „фактичускій“ и „нормативный“. Вѣдь цѣнности, признаніе которыхъ логически вытекаетъ изъ общепризнанной нормы, обладаютъ фактической, а не „нормативной“ „общезначимостью!“ [2]). Или за этими нормами Риккертъ опять хочетъ признать „не фактическую, а лишь нормативную“ общезначимость и такъ... до сотворенія міра?

Спустимся на одинъ моментъ съ высотъ философской абстракціи на грѣшную прозаическую землю. За немногими исключеніями (а можетъ, и безъ нихъ?), для всякаго нѣмецкаго профессора высшая нормативная цѣнность, это,—„высокимъ слогомъ говоря“,—современная цивилизація, а выражаясь „подлымъ штилемъ“—буржуазно-капиталистическое хозяйство. Съ гибелью его онъ мыслитъ—иногда довольно искренно—гибель всего міра, всей цивилизаціи, всѣхъ культурныхъ цѣнностей. Для него эта цѣнность, несмотря на радикальное отрицаніе ея многомилліонными рабочими массами и

---

[1]) *Rickert*, „Die Grenzen“, S. 571, 572.

[2]) Конечно, этимъ не оспаривается нами возможность нелогическаго непослѣдовательнаго мышленія. Но наличность такихъ фактовъ не можетъ поставить подъ знакъ вопроса фактическую общезначимость истины. То, что дважды два не для всѣхъ четыре, а для иныхъ—стеариновая свѣчка, не дѣлаетъ этой истины менѣе объективной, „не фактической, а только нормативной“, по терминологіи Риккерта.

идеологами ея, обладаетъ нормативной общезначимостью; всѣхъ, не признающихъ ея, онъ въ лучшемъ случаѣ готовъ признать „заблудшимъ стадомъ“ Ну, какъ быть съ такой нормативно-общезначимой цѣнностью? Будутъ ли историческія понятія, образуемыя путемъ „приведенія въ связь“ съ ней, обладать должной научной объективностью? Не будетъ ли это, наоборотъ, *худшимъ видомъ* субъективизма, именно субъективизмомъ некритическимъ?

Но на сказанномъ уступки Риккерта здравому смыслу не кончаются. Изъ его „Kulturwissenschaft“ мы узнаемъ, что въ исторіи „мы имѣемъ дѣло съ объективностью *весьма своеобразнаго рода*, которая особенно, кажется, неспособна выдержать сравненія съ объективностью генерализирующаго естествознанія“ [1]). „Этотъ умаленный объективизмъ“ заставляетъ вспомнить слова Зиммеля о томъ объективизмѣ, который является лишь субъективизмомъ высшаго порядка. Еще дальше по этому пути идетъ Риккертъ въ своей работѣ: „Философія исторіи“. „Какъ вѣрно,—замѣчаетъ онъ,—что теоретическое отношеніе къ цѣнностямъ... не есть практическая точка зрѣнія, такъ вѣрно и то, что историкъ, какъ таковой, въ предѣлахъ тѣхъ цѣнностей, на которыя онъ проэцируетъ свои объекты, въ какой-нибудь степени является человѣкомъ, *производящимъ оцѣнку*, что онъ при своей работѣ не можетъ признать за цѣнность только ту научную цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, и, слѣдовательно, *вырабатываетъ извѣстное отношеніе*, если не къ самимъ объектамъ, то *къ общимъ цѣнностямъ*, на которыя онъ проецируетъ эти объекты, индивидуализируя ихъ“ [2]).

Гони природу въ дверь,—она влетитъ въ окно. Историкъ вырабатываетъ извѣстное отношеніе не къ объектамъ, а къ тѣмъ цѣнностямъ, на которыя онъ проецируетъ эти объекты! Но вѣдь послѣднее самое важное, ибо служитъ не абстрактнымъ, а фактическимъ, реальнымъ, критеріемъ при выборѣ и группировкѣ матеріала. „Государство“, „право“, „хозяйство“, „искусство“ и т. д., всѣ эти несомнѣнныя цѣнности, на которыя такъ часто указываетъ Риккертъ, по существу своему не могутъ дать критерія для различенія важнаго и неважнаго въ исторіи. Взятыя въ такой абстрактной формѣ, онѣ представляютъ собою *естественно-научныя понятія*, полученныя путемъ отвлеченія общихъ признаковъ, и, какъ всякое естественно-научное понятіе, онѣ схематичны, безжизненны. Важно ли явленіе Х. съ точки зрѣнія цѣнности „государства“? Кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ, не сдѣлавши предварительно нѣсколько весьма существенныхъ оговорокъ, о *какомъ* государствѣ идетъ рѣчь,—не установивши своего отношенія къ государству въ его метаморфозахъ, къ его прошлому, настоящему и *желательному* будущему?

---

[1]) *Rickert*, „Kultr. u Naturw“. S. 140. (Курсивъ нашъ).
[2]) *Rickert*, Geschichtsphilosophie, S. 83—84 (Курсивъ нашъ).

Не цѣнность какого-то „сверхъ-историческаго“ „государства“, - ибо мы вѣдь не знаемъ „государства въ себѣ“,— а мое отношеніе къ нему, обусловленное опредѣленными *интересами* опредѣленныхъ соціальныхъ группъ *живыхъ людей*, опредѣлитъ въ конечномъ счетѣ и мой взглядъ на роль и значеніе явленія Х. Кто видитъ цѣль государства въ его внѣшнемъ могуществѣ, тотъ можетъ пройти мимо факта борьбы демократіи съ привилегированными классами за власть въ самомъ государствѣ, если эта борьба не сказалась на внѣшней мощи его. Кто, наоборотъ, видитъ назначеніе и цѣль государства въ справедливой организаціи общественнаго сожительства, можетъ спокойно пройти мимо какого-нибудь факта „der hohen Politik“, а незначительное, съ точки зрѣнія этой политики, явленіе, какъ, напримѣръ, разстрѣлъ „всего“ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ представителями власти и капитала разсматривать, какъ событіе первостепенной исторической важности. Однимъ словомъ, съ „государствомъ“, какъ абстракціей, ничего приводить въ связь нельзя, ибо *какъ таковое оно ни для кого цѣнностью не является* („общезначимость“ получаетъ нѣсколько другой оттѣнокъ!), а его нужно для этого конкретизировать, наполнить фактическимъ содержаніемъ, что, въ свою очередь, невозможно безъ извѣстнаго—по Риккерту субъективнаго!—отношенія къ нему. Это „субъективное“ отношеніе къ государству, т. е. представленіе не только о настоящемъ, но и о желательномъ будущемъ его,—и главное, послѣднее,—даетъ намъ критерій для оцѣнки явленій съ точки зрѣнія ихъ „государственной“ важности. Даже такой „ультра-объективистъ“ въ наукѣ, какъ Георгъ Еллинекъ, не могъ, именно въ силу своего объективизма, построить законченную теорію государственнаго права, безъ указанія на „идеалъ“ государства. Что представленіе Еллинека объ идеалѣ государства не осталось безъ вліянія на историческую часть труда: „Общее ученіе о государствѣ“, легко можетъ убѣдиться, каждый, прочтя хотя бы только одну главу его „О суверенитетѣ“.

„Какъ далеко исторія углубляется въ выявленіе каузальныхъ рядовъ вторичнаго историческаго значенія, въ большей своей части, какъ вездѣ, гдѣ изслѣдованіе переходитъ границу *теологически необходимаго*, зависитъ отъ склонности и произвола историка“,— говоритъ Риккертъ [1]). Въ этихъ словахъ видно, незамѣтно для автора ихъ, опять кроется весьма опасный подводный камень для всей его концепціи объективизма“. Гдѣ объективный критерій для установленія „телеологически необходимаго“ при историческомъ анализѣ? Вѣдь опредѣленіе общезначимой цѣнности, если на минуту допустить существованіе таковыхъ, и опредѣленіе тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя *необходимо* привести съ ней въ связь, суть явленія принципіально различныя. Допустимъ, я признаю „государ-

---

[1]) *Rickert*, Die Grenzen, S. 478.

ство“ общезначимой цѣнностью. Какъ мнѣ съ точки зрѣнія этой цѣнности посмотрѣть на какой-нибудь индивидуальный героическій актъ? Долженъ ли я его привести въ связь съ этой цѣнностью, т. е. считать его исторически важнымъ, или онъ находится за предѣлами телеологически необходимаго? Кто дастъ на этотъ вопросъ „объективный“ отвѣтъ? Все зависитъ отъ точки зрѣнія на вещи, отъ міросозерцанія. Одинъ отвѣтъ дастъ сторонникъ „безличной эволюціи“, другой—человѣкъ, стоящій на точкѣ зрѣнія „динамической соціологіи“. И оба будутъ, съ своей точки зрѣнія, правы.

Достаточно двухъ основныхъ возраженій, чтобы лишить риккертовское отрицаніе „оцѣнки“ и замѣны ея „приведеніемъ въ связь съ цѣнностями“ научнаго значенія. Первое—это голый фактъ отсутствія общепризнанныхъ культурныхъ цѣнностей. „Ни фактическаго существованія цѣнностей, долженствующихъ имѣть абсолютное значеніе, ни ихъ содержанія—установить нельзя“, какъ правильно замѣтилъ Шейдлеръ [1]). Второе возраженіе заключается вотъ въ чемъ. Если даже признать „нормативную общезначимость“ нѣкоторыхъ абстрактныхъ цѣнностей (какъ, напримѣръ, „хозяйство“, „государство“, „искусство“ и т. д.), это не лишаетъ процесса образованія историческихъ понятій его субъективности, ибо одно дѣло констатировать,—вѣрнѣе *постулировать*—такія цѣнности, другое установить, что именно съ точки зрѣнія ихъ является важнымъ, существеннымъ; здѣсь важна не сама „цѣнность“, а отношеніе къ ней, которое обусловлено міросозерцаніемъ человѣка, его идеаломъ. „Меньше всего, говоритъ по этому поводу Бернгеймъ, можетъ историкъ обойтись безъ общаго міросозерцанія. Оно приводитъ въ порядокъ для нашего наблюденія сами по себѣ запутанныя подробности, оно даетъ намъ ясный, сознательный критерій оцѣнки... благодаря ему познаніе лишается *ограниченности субъективныхъ* сужденій“ [2]). Эти слова Бернгейма заслуживаютъ особаго вниманія потому, что въ цѣломъ онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Риккерта, и лишь въ вопросѣ объ „объективныхъ цѣнностяхъ“ (въ связи съ этимъ, конечно, и въ вопросѣ о роли субъективной оцѣнки въ исторіи) занимаетъ отдѣльную, всецѣло сближающую его съ Лавровымъ позицію Мы думаемъ, что лучше всего характеризовать эту позицію можно терминомъ *„критическій субъективизмъ“*. „Волей-неволей“, говоритъ Лавровъ, приходится прилагать къ исторіи субъективную оцѣнку, т. е, усвоивъ по степени своего нравственнаго развитія тотъ или другой идеалъ, располагать всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или про-

---

[1]) *B. Scheidler* „Uber Begriffsbildung und Werturteile in der Geschichte“, Annalen der Naturphilosophie, Bd. III, 1904, S 46

[2]) *Bernheim*, Lehrbuch der historischen Methode, 5 u. 6 Aufl. Leipzig 1908, S. 746 (курсивъ нашъ); то же *Simmel*, ук. соч., стр, 80 и сл.

тиводѣйствовали этому идеалу, и на первый планъ исторіи выставить по важности тѣ факты, въ которыхъ это содѣйствіе или противодѣйствіе выразилось съ наибольшею яркостью“ [1]). Или, какъ говоритъ Михайловскій: „теорія прогресса должна разобраться въ пестрой массѣ историческихъ фактовъ, расположивъ ихъ въ извѣстной перспективѣ, въ концѣ которой долженъ стоять извѣстный идеалъ, т. е. нѣчто желательное съ точки зрѣнія изслѣдователя“ [2]). Это *сознаніе неизбѣжности* субъективной оцѣнки историческихъ явленій отличаетъ критическихъ субъективистовъ отъ наивныхъ, мнящихъ себя абсолютными „объективистами“, по ту сторону добра и зла стоящими. Критическій субъективизмъ не только не скрываетъ факта субъективнаго анализа историческаго матеріала, но требуетъ наоборотъ отъ историка, во имя законной и возможной *субъективности*, указанія того масштаба, того критерія, который онъ прилагалъ къ матеріалу, укладывая его въ систему научныхъ понятій. Онъ открываетъ этимъ самымъ возможность объективнаго анализа даннаго труда съ точки зрѣнія его логической (и фактической) правомѣрности, намѣчаетъ строгія границы между законнымъ, неизбѣжнымъ субъективизмомъ и субъективизмомъ незаконнымъ, подлежащимъ устраненію. Къ послѣдней категоріи относится *„субъективизмъ личнаго аффекта“*, искажающій „пониманіе некритическимъ пристрастіемъ...“; *„логическій субъективизмъ* случайнаго и произвольнаго мнѣнія, не подвергнутаго той критикѣ, которая выдѣляетъ гипотезу научную изъ массы гипотезъ ненаучныхъ, и *субъективизмъ невѣдѣнія*, обусловленный недостаткомъ знанія и правильнаго умозаключенія“ [3]). „Эти пріемы ненаучны не потому, что они субъективны, а потому, что ихъ субъективизмъ можетъ всякимъ изслѣдователемъ быть устраненъ изъ его работъ, если этотъ изслѣдователь усвоилъ достаточно всѣмъ доступной критики и всѣмъ доступнаго знанія фактовъ“ [4]). Не то, если дѣло касается субъективизма неустранимаго, субъективизма—мы сказали бы—конститутивнаго, входящаго элементомъ въ самый процессъ образованія историческихъ понятій, обусловленнаго тѣмъ, что „сознательно или безсознательно человѣкъ прилагаетъ ко всей исторіи человѣчества ту нравственную выработку, которой онъ самъ достигъ“, что объ исторіи судятъ „субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могутъ“ [5]).

Кто не вдумался серьезно въ *методологическое* значеніе „субъективнаго метода“, для того писанія Лаврова и отчасти всѣхъ русскихъ „субъективистовъ“,—книга за семью печатями. Въ такомъ безна-

---

[1]) „Истор. Письма“, стр. 37.
[2]) Т. X, стр. 178.
[3]) „Задачи пон. истор.“, стр. 81; то же: „Опытъ“, т. 1, стр. 91.
[4]) Тамъ же.
[5]) „Истор. Письма“, стр. 36.

дежномъ положеніи находится, напр, хотя бы г. Бердяевъ Онъ далеко не взвѣсилъ всей сложности проблемы, поставленной Лавровымъ; онъ не понялъ, что именно разрѣшеніе этой проблемы должно стать въ центрѣ интереса работъ по методологіи исторіи. Это тѣмъ болѣе странно, что къ тому времени, когда Бердяевъ критиковалъ русскихъ соціологовъ, первая часть основной работы Риккерта уже появилась въ свѣтъ. И хотя окончательные отвѣты даны имъ лишь во 2-ой части, однако, общее направленіе хода его мысли и даже основные этапные пункты его историко-философской концепціи были уже намѣчены, и bona fide трудно было не замѣтить, какъ близко особенно въ *постановкѣ проблемы* концепція эта подходитъ къ взглядамъ Лаврова.

Для Бердяева все такъ просто, что нѣсколькихъ строчекъ текста и маленькаго примѣчанія хватаетъ, чтобы сокрушить противника. „Предвзятая точка зрѣнія, глубокомысленно поучаетъ онъ, съ которой приступаютъ къ историческому матеріалу, опредѣляется той соціологической теоріей, *которой держится изслѣдователь*, а послѣдняя получается объективнымъ путемъ“ [1]). Что и говорить, разрѣшеніе вопроса было бы радикальнымъ, если бы . если бы г. Бердяевъ могъ указать, какая соціологическая теорія имѣетъ дѣйствительно право называться объективной, и какая употребляетъ это сакраментальное слово всѣхъ „абсолютистовъ“ и „априористовъ“ всуе?

Но если даже допустить что, опредѣленная соціологическая теорія пользуется „общимъ признаніемъ“, и потому не безъ достаточнаго основанія называетъ себя „объективной“, то и тогда остается открытымъ вопросъ, какъ писалась исторія въ то время, когда этой „объективной соціальной теоріи“ и въ поминѣ не было? Вѣдь сама то соціологія, какъ наука,—продуктъ самаго послѣдняго времени. Мы ставимъ, такимъ образомъ защитнику „объективной“ соціальной теоріи тотъ же вопросъ, какой ставитъ Риккертъ защитникамъ взгляда, что *научная психологія* есть необходимая предпосылка научной исторіи [2]).

Помимо этого, въ самой постановкѣ вопроса г. Бердяевымъ заключается большое противорѣчіе, смѣшеніе явленій двухъ категорій. Кто вдумался въ основное положеніе Лаврово-Риккертской историко-философской концепціи, именно, что исторія не знаетъ „своего“ матеріала, а есть результатъ примѣненія другой точки зрѣнія къ тому же матеріалу, для того ясно, что „соціальный законъ“, полученный путемъ обработки цѣлаго ряда явленій общественной жизни съ точки зрѣнія ихъ *повторяемости*, не можетъ быть самъ взятъ

---

[1]) *Н. Бердяевъ*, указ. соч., стр. 57 (Курсивъ нашъ).

[2]) См. *Rickert*, „Kult u. Naturw.“, главу 8-ую: исторія и психологія, стр. 60—72.

вновь за критерій для различенія этихъ же явленій въ ихъ индивидуальности, *неповторяемости*; для того ясно, что дѣло не въ соціальной теоріи, какъ таковой, а въ нашемъ, обусловленномъ чаще всего этическими моментами, отношеніи къ ней, въ томъ *идеалѣ*, который даетъ намъ право сказать: „не пріемлю“ этой теоріи, если она идетъ вразрѣзъ со „святая святыхъ“ нашего мировоззрѣнія; короче говоря, существенно здѣсь не объективно-необходимое, а субъективно-желательное. Задача соціальной философіи—примирить эти два начала, связать „царство необходимости“ съ „царствомъ свободы“. Можетъ быть, все это не ускользнуло бы съ поля зрѣнія Бердяева, если бы онъ не былъ всецѣло занятъ „трансцендентальной апперцепціей“, „транссубъективнымъ познаніемъ“, „сверхъэмпирическимъ“, „лишеннымъ всякаго психологическаго содержанія“, „чисто логическимъ субъектомъ“ и прочими, столь быстро усвоенными имъ и съ той же быстротой выброшенными за бортъ, аксессуарами критической философіи.

Вообще нѣтъ ничего опаснѣе, какъ переводить вопросъ о значеніи „субъективнаго метода“ изъ плоскости методологическаго спора въ плоскость гносеологическую. Если Риккертъ, напримѣръ, говоритъ, что исторія нуждается въ своемъ „a priori“, въ своемъ „предвзятомъ сужденіи“, то онъ безусловно этимъ подчеркиваетъ „субъективное“ привнесеніе, въ видѣ неизбѣжной посылки, въ результатъ историческаго знанія. Но предпосланныя этому утвержденію слова „какъ и естествознаніе“ сразу показываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ чѣмъ-то специфически характернымъ только для области историческаго познанія, а, такъ сказать, съ универсальнымъ закономъ познанія вообще. На невозможность „объективности“ познанія въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ указывалъ неоднократно и Михайловскій. В. Черновъ [1]) вполнѣ правильно отмѣчаетъ здѣсь полное совпаденіе его аргументаціи съ Риккертовской. „Для того, чтобы приступить къ самому безхитростному изученію фактовъ,—говоритъ Михайловскій,—нужна уже какая-нибудь руководящая нить“... [2]). Безъ оцѣнки относительной важности фактовъ, безъ упрощенія дѣйствительности невозможно познаніе, „но для оцѣнки важности фактовъ нужна уже теорія“ [3]), т. е. какой-нибудь направляющій принципъ. Громадно, въ данномъ смыслѣ, значеніе „апперцепціи“, т. е. совокупности „предыдущихъ данныхъ опыта, сгруппированныхъ тѣмъ или другимъ образомъ“ [4]), такъ какъ она является неизбѣжной предпосылкой всякаго вообще наблюденія и изслѣдованія [5]). Все это безспорно, но не имѣетъ

---

[1]) *В. Чернов.* „Субъект. методъ въ соц.“. Стр. 166—167
[2]) *Н. К. Михайловскій*, т. III., стр. 8.
[3]) Ibid, ср. *Rickert*, „K. и N.“, S. 35.
[4]) *Н. К. Михайловскій*, т. I., стр. 114.
[5]) *Н. К. Михайловскій*, т I, стр. 112, сравни *Simmel*, Probl., особ. стр. 29.

прямого отношенія къ „субъективному методу“ и, принявшее въ спорахъ о значеніи и цѣнности его, служитъ не выясненію, а затемнѣнію проблемы.

Расширяя понятіе „субъективный“ до его возможнаго гносеологическаго значенія, мы „въ этомъ чрезмѣрно-общемъ смыслѣ“ не только рискуемъ утонить, но несомнѣнно топимъ „всѣ болѣе тонкія и конкретныя различія“ [1]). А это имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ какая-нибудь предпосылка, общая какъ естественно-научному, такъ и историческому познанію, получаетъ предикатъ „субъективный“. Сущность „субъективнаго метода“ характеризуется не фактомъ необходимости „предвзятаго мнѣнія“, „руководящей точки зрѣнія“, чтобы вообще приступить къ акту познанія, а *характеромъ этого предвзятаго мнѣнія, его своеобразной природой въ сферѣ историческаго познанія*. Зиммель дѣлаетъ не безъ основанія упрекъ самому Канту въ томъ, что онъ „вопросъ объ участіи субъекта и объекта въ познаніи свель къ болѣе узкому—о самыхъ общихъ отношеніяхъ, неизмѣнно характерныхъ для всякаго процесса познанія“ [2]). Съ этихъ высотъ „всѣ кошки сѣры“. Такъ, независимо отъ того, правъ ли „априоризмъ“ или нѣтъ, онъ въ методологическихъ исканіяхъ совершенно непригодное орудіе; онъ ничего не объясняетъ, а все время, пользуясь терминологіей Канта, вращается въ сферѣ аналитическихъ сужденій, каждому явленію наклеиваетъ свой ярлыкъ. Лучшей иллюстраціей этой мысли можетъ служить предпринятая гг. Струве и Бердяевымъ критика субъективнаго метода. Оба они даже не подошли вплотную къ поставленной Лавровымъ и Михайловскимъ проблемѣ, а, сославшись на „ихъ превосходительство“, устранили ее, какъ нарушающую, установленный въ г. Кенигсбергѣ философскій порядокъ. Можетъ ли быть рѣчь — таковъ общій смыслъ ихъ возраженія—о субъективности какого бы то ни было познанія, разъ „истина лежитъ не въ природѣ человѣка, т. е. не въ *психологическомъ* сознаніи..., а въ логическомъ“, логика же „познающаго субъекта настолько же абсолютна и незыблема, насколько психологія человѣка относительна и измѣнчива“ [3]). Если бы задачей такого „возраженія“ было подчеркнуть тотъ фактъ, что въ преходящемъ, варьирующемъ содержаніи нашего сознанія есть нѣкоторый постоянный остовъ,—явленіе, въ свою очередь, конечно, психологически обусловленное,—касающійся больше формальной стороны нашего познанія,—то противъ этого ничего нельзя было бы возразить, но, съ другой стороны, это никого не опровергало бы. Самъ Бердяевъ цитируетъ слова Михайловскаго, гдѣ послѣдній говоритъ, что субъективный методъ „вовсе

---

1) *В. Черновъ*, указ. соч. стр. 105
2) *Simmel*, „Probl“, S. 29.
3) *Бердяевъ*, указ. соч., стр. 29.

не ведетъ къ полной логической разнузданности", что „онъ нисколько не обязываетъ отворачиваться отъ общеобязательныхъ формъ мышленія" [1]). Далѣе, ничего также нельзя имѣть и противъ того, если, въ абстракціи, конечно, противополагать эту сторону мышленія, какъ логику, другой — какъ психологіи. Но если „логическій" дополняютъ понятіемъ „трансцендентальный", утверждаютъ, что „субъектъ теоріи познанія... *формально логическій*... лишенъ всякаго *психологическаго* содержанія" [2]), то оперируютъ уже не съ реальностью, а съ фикціей, ибо субъектъ постольку остается таковымъ, поскольку онъ является носителемъ извѣстнаго психологическаго содержанія: лишите его послѣдняго — и онъ только объектъ. Ясно, что г. Бердяевъ хочетъ здѣсь взять подъ свою высокую защиту то направленіе въ идеалистической философіи, которое извѣстно подъ именемъ „логизма"; но дѣлаетъ онъ это въ высшей степени неудачно. Что даже къ защищаемой имъ ультра-идеалистической позиціи можно подойти болѣе тонко и остроумно,—доказалъ Риккертъ. Для него гносеологическій субъектъ есть *предѣльное понятіе* (Grenzbegriff), которое получается въ результатѣ противопоставленія одной части нашего сознанія — познающей — другой — познаваемой (субъектъ—объектъ въ узкомъ смыслѣ), т. е. если мы, увеличивая „объектъ" за счетъ „субъекта", доведемъ этотъ процессъ до того пункта, гдѣ все наше психологическое содержаніе будетъ объектомъ [3]). Мы, конечно, далеки отъ мысли признать и эту фикцію цѣнной, ибо разъ „объектъ" поглотилъ весь „субъектъ", то послѣдняго больше нѣтъ, и этому Nihil'у незачѣмъ выдумывать громкое и столь же малозначущее имя „*гносеологическаго субъекта*". Но все же, повторяемъ, преимущество Риккерта въ томъ, что онъ, построивъ фикцію, не забылъ ея фиктивнаго характера, помнилъ „что часть психологическаго субъекта неминуемо связана съ гносеологическимъ, который никогда не выступаетъ въ изолированномъ видѣ" [4]), въ то время какъ г. Бердяевъ беретъ другими построенную фикцію и выдаетъ ее за реальность. „Михайловскій, — говоритъ Бердяевъ, — прошелъ мимо критерія истины, смѣшавъ гносеологическую проблему, отыскивающую *логическій* критерій истины, съ проблемой психологической и соціологической, отыскивающей тѣ условія..., при которыхъ истина рождается для человѣка" [5]). Не „Михайловскій смѣшалъ", какъ мы видимъ, а г. Бердяевъ крайне упростилъ проблему.

---

[1]) *Бердяевъ*, указ. соч., стр. 25 (Мы цитируемъ нѣсколько полнѣе, см Михайловскій, т. III, стр. 401).

[2]) *Бердяевъ*, указ. соч., стр. 29.

[3]) *Rickert*, „Gegenstand der Erkenntniss, 2 Aufl., 1904, перв. глав. также „Die Grenzen", стр. 170 ff.

[4]) *Rickert*, „Die Grenzen", S. 173.

[5]) *Бердяевъ*, указ. соч., стр. 28.

„Субъективный методъ", старались мы доказать, есть особый, отличный отъ естественно-научнаго, методъ образованія историческихъ понятій. Различіе это характеризуется исключительно своеобразной природой критерія важнаго и неважнаго въ исторіи. В естествознаніи онъ *объективно* данъ конечными цѣлями его, в исторіи онъ *субъективно* данъ идеаломъ, міровоззрѣніемъ историка. Внимательные изслѣдователи уже давно отнеслись серьезно къ этому факту, стараясь объективно разобраться въ немъ. Уже самъ Лавровъ въ своемъ „Опытѣ" могъ сочувственно процитировать слова извѣстнаго историка Эдуарда Мейера: „всякій историческій трудъ по необходимости субъективенъ" [1]), а въ „Задачахъ пониманія исторіи" еще прибавить имя Рудольфа фонъ-Іеринга, слова котораго: „in dem Berichten steckt ein Richten... wer berichtet, richtet er mag wollen oder nicht..." просятся въ эпиграфъ къ любой работѣ о субъективномъ методѣ [2]). Есть, впрочемъ, въ „Опытѣ" также указаніе и на извѣстную работу Оттокара Лоренца: „Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben kritisch erörte" (1886 г.), но она Лавровымъ не использована, и приведенная въ „Опытѣ" цитата одна изъ самыхъ малохарактерныхъ. Большаго вниманія заслуживаютъ, на нашъ взглядъ слѣдующія мѣста: „Раньше всего, думается, позволяютъ себѣ злоупотреблять словами, когда все то, что при изложеніи событій имѣетъ характеръ оцѣнки, называютъ субъективнымъ, все же, что относится къ простому сообщенію самыхъ такъ называемыхъ фактовъ,—объективнымъ. *Въ дѣйствительности вообще не существуетъ такого сообщенія фактовъ, которое не было бы субъективнымъ* [3]). Что отдѣляетъ,—спрашиваетъ далѣе Лоренцъ,—эпоху начала 19-го вѣка и конца его, т. е. цѣлое поколѣніе, эпоху историка Шлоссера и Ранке? „Это—отвѣчаетъ онъ—способъ и методъ рѣшенія той проблемы, которую можно назвать проблемой оцѣнки (Wertbeurteilung) въ исторіи" [4]). Если Шлоссеръ еще думалъ, что только тотъ, кто хочетъ показать связь частнаго съ цѣлымъ, провести черезъ весь трудъ одну какую-нибудь мысль, „не можетъ не высказать своего собственнаго мнѣнія", и въ другихъ случаяхъ считалъ возможнымъ выставлять высшимъ критеріемъ историографіи требованіе: „какъ можно меньше вторгаться собственными мыслями",—то ко времени Ранке, думаетъ Лоренцъ, тотъ уже не заслуживаетъ серьезнаго вниманія, „кто принципіально, высказывается противъ всякихъ оцѣнокъ историческихъ явленій" [5]). Больше того, „если новая критика, говоритъ онъ, въ

---

[1]) „Опытъ исторіи мысли", т. I., стр. 89 (прим.). Нами здѣсь приведена одна фраза изъ всей цитаты.

[2]) С. С Арнольди, „Зад. пон. истор.", стр. 96—97.

[3]) *Ottokar Lorenz*, указ. соч., стр. 53 (Курсивъ нашъ).

[4]) Тамъ же, стр. 55.

[5]) Тамъ же, стр. 56.

серьезъ убѣдитъ себя, будто можно избѣжать оцѣнокъ, то она скоро убѣдится также въ томъ, что всякій образованный человѣкъ... предпочтетъ обойтись совершенно безъ историческихъ знаній, чѣмъ удовлетвориться простой мѣшаниной фактовъ, во что неизбѣжно превратится лишенная духа живого, такъ называемая, точная (exakte) исторія".

„Что для историка неизбѣжно,—резюмируетъ онъ,—это наличность *критерія* (Richtmass)... только наличность опредѣленнаго критерія дѣлаетъ возможнымъ сравненіе государствъ, эпохъ и отдѣльныхъ людей". Какъ вѣрно то, что всякая эпоха, какъ и всякій человѣкъ, имѣетъ право требовать соотвѣтствующаго дѣйствительности изображенія, такъ точно вѣрно и то, что нельзя оспаривать у историковъ права формулировать свое мнѣніе, сообразуясь съ тѣмъ, что онъ считаетъ правдой" [1]).

Со времени появленія работы Лоренца прошло немало времени, и на соотвѣтствующую тему немало написано. Мы думаемъ, можно сейчасъ смѣло утверждать, что общая тенденція работъ послѣдняго времени идетъ въ сторону полнаго признанія основныхъ воззрѣній, высказанныхъ Лоренцомъ, воззрѣній, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ „субъективистскихъ". Чтобы не быть голословными приведемъ „доказательства". Много „авторитетныхъ именъ" назвалъ въ своей, написанной болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, работѣ о „субъективномъ методѣ" В. Черновъ. Мы, конечно, далеки отъ мысли дать здѣсь *исчерпывающій* дополнительный перечень ихъ. Это, пожалуй, сейчасъ задача почти невыполнимая; мы хотимъ только сослаться еще на нѣкоторыхъ, съ нашей точки зрѣнія, заслуживающихъ особаго вниманія.

Раньше всего интересно послушать самихъ историковъ. „Какъ ни стремится историкъ,—говоритъ фонъ-Беловъ,—быть свободнымъ при оцѣнкѣ историческихъ явленій отъ предвзятаго мнѣнія, тѣмъ не менѣе, въ этомъ нужно себѣ отдать отчетъ, нѣтъ такого историческаго изслѣдованія, которое было бы совершенно чуждо предвзятости" [2]); поэтому, думаетъ онъ, мнѣніе К Лампрехта, что на работѣ историка можетъ не отразиться міросозерцаніе его, совершенно ложно и явно противорѣчитъ дѣйствительности. Еще болѣе категорически высказывается по этому вопросу г. Майнеке. Прогрессъ нашего времени, утверждаетъ онъ, заключается „въ познаніи того, что историографія *неминуемо субъективна*, что даже тамъ, гдѣ имѣются самые богатые, какіе мы только можемъ себѣ представить, и самые лучшіе историческіе документы, субъективныя сужденія и мнѣнія (Werturteile) оказываютъ *глубочайшее* вліяніе на всякое

---

[1]) Тамъ же, стр. 86, 87.

[2]) v. *Below*, „Die neue historische Methode. Historische Zeitschrift", 1898, S. 229 (Anmerk). Ср. также стр. 241.

мало-мальски обобщенное и связное изложеніе“ [1]). Эту же мысль всячески старается подчеркнуть и сдѣлать общепопулярной также цитированный нами выше Бернгеймъ. Уже въ началѣ своего капитальнаго труда онъ дѣлаетъ слѣдующее, мы сказали бы, программное заявленіе: „Сколько бы ни подчеркивали, что вся наша наука (рѣчь идетъ объ исторіи. *Б. К.*) до самыхъ послѣднихъ деталей изслѣдованія и методовъ зависитъ отъ нашего міросозерцанія, этого не будетъ слишкомъ много“ [2]). Самый существенный вопросъ для насъ—что именно изъ всего матеріала имѣетъ научный интересъ, что мы хотимъ знать при его посредствѣ,—предрѣшенъ міросозерцаніемъ“: отъ него зависитъ „какъ тема, такъ методъ и цѣль нашего изслѣдованія“ [3]). „Какъ разъ историкъ, резюмируетъ Бернгеймъ, можетъ меньше всякаго другого обойтись безъ обобщающей точки зрѣнія Gesammtauffassung“), безъ идеала“ [4]). „Благодаря основному, своеобразному для нашей науки, принципу выбора матеріала, *оцѣнки* являются... неизбѣжнымъ факторомъ исторической методики“ [5]). А вотъ въ pendant къ этому мнѣнію другого „ученика“ Риккерта въ вопросахъ философіи исторіи—Гротенфельда. „На безконечномъ числѣ примѣровъ,—говоритъ онъ,—легко убѣдиться, что до сихъ поръ въ исторіографіи всегда отражались міросозерцаніе и выдающіеся интересы эпохи, что должно служить лучшимъ доказательствомъ наличности во всякомъ историческомъ трудѣ сильнаго элемента субъективности“ [6]).

Наличность этого элемента, однако, далеко не всѣхъ настраиваетъ пессимистически. Такъ, Юліанъ Шмидтъ, въ своей рецензіи исторіи Момзена ставитъ послѣднему не въ вину, а въ заслугу, „что онъ разсматривалъ исторію глазами римлянина, и именно римлянина, который находился въ центрѣ тяжбъ времени, который страстно занималъ въ борьбѣ опредѣленную позицію, къ большинству партій и вождей ихъ находился въ крайней оппозиціи, наконецъ, въ Цезарѣ нашелъ свой идеалъ“ [7]). Лишите этихъ—съ точки зрѣнія объективиста—„недостатковъ, ненаучныхъ элементовъ“ трудъ Момзена—и вы лишите его души живой, лишите того, что дѣлаетъ этотъ трудъ значительнымъ. Говоря о Момзенѣ, невольно напрашивается параллель съ нашимъ историкомъ Ключевскимъ. Во что обратилась бы самая выдающаяся исторія Россіи, если бы рукой какого-нибудь объективиста были вычеркнуты изъ нея „субъективные эле-

---

[1]) *Meinecke*, Historische Zeitschrift, Bd. 80, S. 227.
[2]) *Bernheim*, Lehrbuch, S. 34.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 746.
[5]) Тамъ же, стр. 760.
[6]) *A. Grotenfeld*, „Die Wertschätzung in der Geschichte“, Leipzig, 1903, S. 174.
[7]) *Julian Schmidt*. „Deutsche Rundschau“, Bd. 44, Iuli 1885, S 77

менты", вычеркнуты страстныя, полныя осужденія страницы, посвященныя исторической роли русскаго дворянства, пламенная, полная восторга и гнѣва характеристика Іоанна Грознаго, Петра Великаго и др.?

Всякій талантливый, образованный историкъ имѣетъ свой исторический идеалъ, имѣетъ свою призму, сквозь которую онъ смотритъ на міръ. Требовать отъ него абсолютной „объективности" здѣсь, значитъ—требовать априорно невыполнимаго: не можетъ историкъ лишить себя единственно возможнаго орудія историческаго познанія, которое по существу своему телеологично. Другое дѣло, конечно, если признать наличность общепризнанныхъ цѣнностей въ духѣ Риккерта, но онъ это дѣлаетъ, какъ мы старались показать, вопреки „здравому смыслу", по схемѣ „тѣмъ хуже для фактовъ", забывая, что „безусловная цѣнность есть постулатъ, но ни въ какомъ случаѣ не имѣющее конкретное содержаніе понятіе" [1]). Впрочемъ, въ минуты откровенности въ этомъ сознаются и сами „абсолютисты". Въ эти рѣдкія минуты мы узнаемъ отъ нихъ, что, постулируя общезначимыя цѣнности, они имѣютъ въ виду не земныя прозаическія цѣнности—ни одинъ идеалистъ не ограничиваетъ своихъ наблюденій и философскихъ изысканій посюсторонимъ міромъ!—а цѣнности, которыя основаніе свое имѣютъ въ *высшей духовной дѣйствительности*" [2]).

Позитивисту Лаврову не было никакой необходимости аппелировать къ „высшей духовной дѣйствительности" и признаніе факта телеологическаго образованія и историческихъ понятій было у него равнозначимо признанію наличности субъективныхъ элементовъ въ историческомъ познаніи.

* * *

Въ связи съ общими теоретическими посылками разно разрѣшаютъ Лавровъ и Риккертъ также вопросъ о значеніи понятія „прогрессъ" въ историческихъ трудахъ. Въ то время какъ для Лаврова аксіома, что историкъ не можетъ не дѣлить историческія событія на явленія прогрессивной и регрессивной эволюціи, такъ какъ это обусловлено наличностью у него историческаго идеала,—Риккертъ всячески старается изгнать такую „субъективную расцѣнку"; достигнуть этого, онъ думаетъ, можно разграниченіемъ понятій „развитіе" и „прогрессъ". „Понятіе историческаго развитія",—говоритъ онъ;—во избѣжаніе недоразумѣнія, должно ясно ограничить отъ понятія „прогрессъ", ибо послѣднее „всегда заключаетъ въ

---

[1]) *W. Dilthey*, „Das Wesen der Philosophie", 1908, S. 61 Kultur der Gegenwart, Syst. Phic.).

[2]) *Windelband*, „Kultur der Gegenwart", Teil, I, Abt. V, S. 546 (Курсивъ нашъ).

себѣ положительную или отрицательную оцѣнку", а это дѣло философіи исторіи", „эмпирической же исторической наукѣ это должно быть чуждо" [1]). Но какъ разграничить понятія „историческое развитіе" и „историческій прогрессъ"?

Еще со временъ старой, полу-юношеской, статьи Михайловскаго „Что такое прогрессъ?" мы знаемъ сложность этой проблемы,— мы помнимъ, какъ хотя бы у родоначальника эволюціонной школы,— Спенсера, то и дѣло одно понятіе подмѣнивалось другимъ, какъ отъ объективнаго констатированія „дифференціаціи и интеграціи" онъ незамѣтно переходилъ къ оцѣнкѣ и санкціи явленій весьма проблематичной „цѣнности". Но, что такъ сложно у Михайловскаго, очень просто у Риккерта. „Разграниченіе этихъ понятій, говоритъ онъ, должно произойти при помощи того же различенія оцѣнки, отъ приведенія ея въ связь съ цѣнностями" [2]) Воистину, универсальное средство! Ничего удивительнаго, что и въ этомъ пунктѣ „авторитеты" опять не на его сторонѣ, а на сторонѣ русской субъективной школы. Даже, уже цитированный нами однажды, Гротенфельдъ, въ основныхъ вопросахъ ученикъ Риккерта, долженъ признать, „что едва ли возможно исторію человѣчества разсматривать, не примѣняя понятія развитіе и прогрессъ", что уже „понятіе" „развитія" часто такъ интерпретируется, будто оно предполагаетъ оцѣнку историческаго положенія. понятіе же „прогрессъ„ несомнѣнно такую оцѣнку въ себѣ включаетъ" [3]); это обусловлено тѣмъ, что идеальное представленіе о человѣческой культурѣ живетъ въ историкѣ и непроизвольно сказывается въ его работѣ, даетъ ему направляющую точку трѣнія" [4]). Все, что содѣйствуетъ реализаціи, воплощенію въ жизнь идеальнаго представленія о человѣческой культурѣ, историкъ, естественно, относитъ къ прогрессивнымъ явленіямъ, что противодѣйствуетъ—къ реакціоннымъ. Объективность и научность историческаго труда здѣсь достигается не тѣмъ, что на этотъ имманентный историческому познанію фактъ закрываютъ глаза, какъ это дѣлаютъ русскіе критики субъективной школы, вродѣ гг. Бердяева и Струве, и не тѣмъ, что реальное положеніе вещей подмѣнивается фиктивнымъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ построеніяхъ Виндельбанда Риккерта, — а исключительно констатированіемъ, вѣрнѣе, признаніемъ даннаго факта, установленіемъ, отправляясь отъ него, точныхъ границъ необходимаго, законнаго субъективизма и затѣмъ уже безпощадной борьбой противъ субъективизма не законнаго, „субъективизма личнаго произвола".

Ставя историку требованіе не затушевывать того идеала, кото-

---

[1]) *Rickert*, „Kult. u. Naturw". S. 98.
[2]) Тамъ же.
[3]) Grotenfeld, указ. соч., стр. 89.
[4]) Ibid. S. 183.

рый служитъ ему путеводной звѣздой въ лабиринтѣ историческихъ фактовъ и данныхъ, не рядиться въ мантію абсолютной безпристрастности, абсолютной объективности, русская *субъективная* школа сдѣлала въ предѣлахъ возможнаго максимумъ для *объективности* исторической науки.

Вопросы методологіи исторіи, конечно, лишь въ началѣ своего развитія. Но тенденція этого развитія, какъ мы старались показать, уже вполнѣ опредѣлилась и лежитъ по пути, а не въ сторону отъ пути, намѣченнаго русской субъективной школой, особенно родоначальникомъ ея—П. Л. Лавровымъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Петроградская Издательская Комиссія. Галерная, 27.

1.	Наша программа (популярное изложеніе)	10 к.
2.	Программа и аграрный законопроектъ, внесенный во 2-ю Гос. Думу . . . . . (Распр)	10 „
3.	*Н Быховскій.* Для чего нуженъ С. Крест. Деп. (Распр)	10 „
4.	*Гардинсъ.* Почему я соціалистъ	15 „
5.	*Лаврусевичъ.* Чего хотятъ друзья народа	25 „
6.	Соціалиста словечки	10 „
7.	*Новоторжскій.* Соціализація земли	15 „
8	*Е. Лазаревъ.* Какъ крестьянамъ дали волю	15 „
9.	*Дижитейнъ.* Кто чѣмъ живетъ	15 „
10.	Наша платформа къ выборамъ въ гос думы (Распр)	3 „
11	*П. Вихляевъ.* Какъ уравнять пользованіе землей . . .	15 „
12.	*А Шрейдеръ.* Царь-Голодъ	6 „
13.	*В. Черновъ.* Война и третья сила . . . . . (Распр)	50 „
14	*В. Черновъ* Интернаціоналъ и война . . . . . (Распр.)	50 „
15	*Глыба* Разговоръ солдатъ объ отреченіи царя . . .	6 „
16.	*В. Цвѣткова.* Какъ лучше распредѣлить землю . . .	6 „
17.	*Н. Брюлова-Шаскольская.* Народности Россіи и ихъ треб.	6 „
18.	*В. Черновъ.* Крестьянинъ и рабочій, какъ эконом. категоріи	50 „
19.	*Б. Коварскій.* Сокращ. рабоч. врем. и 8-ми час. рабочійдень	25 „
20.	*Б. Коварскій.* Е К Брешковская съ автобіогр. бабушки русской револ.	50 „
21.	*Ст. Слетовъ.* Къ исторіи возникнов. Партіи С.-Р. . . .	1 р.
22.	*В. Черновъ.* Сквозь туманъ грядущаго	60 „
23.	*А. Шрейдеръ.* О налогахъ	10 „
24.	*Б. Корень.* Сущность ученія Соц.-Рев. (поп. изл.) . . .	20 „
25.	*В. Трутовскій.* О муниципальной программѣ	25 „
26.	*В. Черновъ* Имперіалистическія мечты	25 „
27.	*И. Бѣлочкинъ* Земля и воля—трудов. народу	15 „
28.	Резолюціи, принят. на 3-мъ съѣздѣ П. С.-Р. съ предисл. Ц.К.	12 „
29.	*А. Бахъ.* Царь-Голодъ	40 „
30	*В. Цвѣткова.* Какъ производить выборы	8 „
31.	*Дзэвъ.* Сказка о царѣ-недоумкѣ	25 „
32.	*Глѣбъ Свировъ.* Минимумъ заработной платы	8 „
38.	*В. Лункевичъ.* Что такое Учред. Собр.	12 „
39.	*В. Лункевичъ.* Каковы должны быть зем. пор. на Руси.	20 „
40.	*В. Лункевичъ.* Вся власть—всему народу	20 „
43.	*Б. Черненковъ.* Основные законы о землѣ	20 „
44.	*В. Цвѣткова.* Поч. крест. не должны голос. за П. Н. С.	12 „
45.	*Н. В. Брюлова-Шаскольская.* П С.-Р. и Нац. вопр . .	30 „
46	*В. Левинъ.* Фабр.-заводск комит.	12 „
47.	*Б Камковъ.* Истор.-фил воззр П. Л Лаврова	45 „
49	*Д Раковъ* Война и финансы	30 „
55	*В Трутовскій* Что крестьянамъ дѣлать въ земствѣ .	15 „

Печатаются:

33. *Шэфле* Сущность социализма.
34. *Викторъ Черновъ*. Земля и право.
35. *М. Вишнякъ*. Личность въ правѣ.
36. *Тунъ*. Исторія революц. движ. въ Россіи съ прим. Л. Э. Шишко.
37. *Д Самойловъ* Профессіональные союзы
41. *В. Лункевичъ*. Борцы за право и свободу.
42. *В. Лункевичъ*. Право человѣка и гражданина.
48 *В Черновъ* Германская социаль-демократія.
50 *И Николаевъ* Невидимыя подати
51 *Б Свидерскій* Трудъ и капиталъ
52 *М Гоцъ*. Система правды.
53 *В Черновъ* Кооперація и социализмъ.
54 *Николаевъ* Н Г. Чернышевскій на каторгѣ
56. *В. Лункевичъ*. Какъ должно вестись народное хозяйство.

---

27 МАЯ 1966